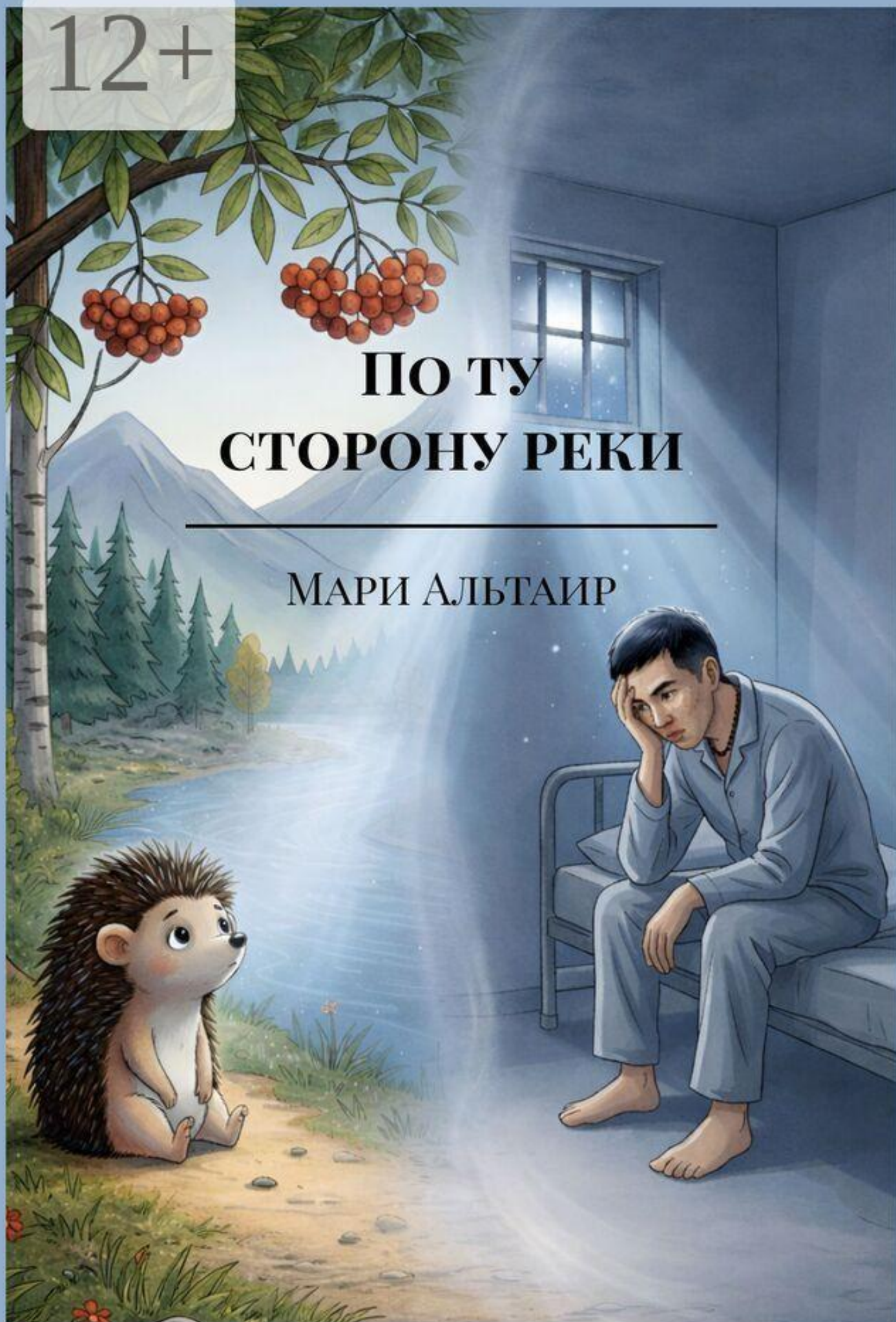

12+

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

МАРИ АЛЪТАИР

Мари Альтаир

**По ту сторону реки. Почему
все рождаются, живут
и умирают? (Книга первая
из цикла «По ту сторону»)**

«Издательские решения»

Альтаир М.

По ту сторону реки. Почему все рождаются, живут и умирают?
(Книга первая из цикла «По ту сторону») / М. Альтаир —
«Издательские решения»,

Что если ваша жизнь — лишь сон того, кто спит по ту сторону реальности?
Ёжик Том ведет двойную жизнь: зимой в лесу он засыпает и просыпается
человеком-клоном в мире будущего. Его мучает вопрос: почему всё рождается
и умирает? Когда жестокое племя похищает его подругу Ёсю, созерцателю
Тому приходится возглавить спасение. Чтобы победить, ему нужно пойти
на сделку, где разменной монетой станет он сам. Кто ты: ёжик, спящий в лесу,
или человек, ищущий выход к настоящей жизни из плена ума?

© Альтаир М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. В поисках Проблемы	8
Глава 2. Странные незнакомцы	11
Глава 3. Ответственность	15
Глава 4. Первый рисунок	21
Глава 5. Утренняя практика	26
Глава 6. План по освобождению	32
Глава 7. Провальная операция	39
Глава 8. Есть ли выход?	49
Глава 9. Возвращение домой	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

По ту сторону реки Почему все рождаются, живут и умирают? (Книга первая из цикла «По ту сторону»)

Мари Альтаир

*Моей сестре — двойняшке
и всем детям нашей семьи —
настоящим и будущим —
посвящается эта история*

© Мари Альтаир, 2026

ISBN 978-5-0069-8782-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*«Пусть мир теряет смысл и очертанья,
У меня есть ты, а у тебя есть я.
Сквозь пепел, перемены и прощанья
Мы — главная опора и семья.
Пусть времена уходят безвозвратно,
Наш общий свет не гаснет в темноте,
Ведь «МЫ» — тот путь, что приведет обратно
К единственной и вечной чистоте»*

Две жизни — одна история

У каждой книги своя судьба. Судьба этой истории — долго идти к своему главному читателю. Она была написана десять лет назад для моей сестры-двойняшки, человека, с которым я делила каждое мгновение жизни с самого рождения.

До двадцати лет я почти не использовала слово «я» — только «мы». Мы были словно одно существо, одна душа, разделенная на два тела. Я была её внутренним стержнем, а она — моим внешним щитом, защищавшим от ударов непростого мира. Мы росли в эпоху перемен, когда вокруг было много серости и тревоги. Но свет, согревавший нас, был многоликим. Его самым первым источником были мамины сказки о мышке Пушке, жившей в лесу. Мама рассказывала их нам, возвращаясь домой выжатой после трех работ, но в этих историях она снова становилась любящей мамой. Мы всегда говорили маме, что на пенсии ей стоит начать писать детские сказки. Но жизнь распорядилась иначе — за перо взялась я. И хотя это произошло неосознанно, мир ёжика Тома стал продолжением той самой вселенной, в которой мы когда-то находили тепло и радость.

Именно те вечера и люди, которых я встречала в непростые годы перемен, научили меня главному: даже когда жизнь кажется грубой и невыносимой, внутри каждого человека живет невидимый лотос. Я видела этот свет в тех, кому было по-настоящему тяжело. Именно эти встречи и эти люди дали мне веру в человека, в его скрытую доброту и сочувствие. Я поняла, что искра этой доброты, зажженная в одном сердце, способна по цепочке согреть и пробудить множество других.

Как поиск «Проблемы» стал поиском Смысла

Эта книга родилась из случайного задания по психологии. Сестра попросила меня написать рассказ о поиске проблемы и её решении. Так появился Ёжик, который искал Проблему как материальный объект — заглядывал под камни, поднимал опавшие листья, но не находил её.

Эта детская, почти нелепая логика стала метафорой нашего взрослого пути. Мы ведь точно так же ищем Счастье, Любовь или Смысл где-то вовне, надеясь найти их готовыми под очередным «камнем» судьбы. Тот маленький рассказ (сейчас это первая глава этой книги) закончился тем, что Ёжик уплыл по реке в туман, задаваясь вопросом: «Почему все рождаются, живут и умирают?». Я тогда не знала, как ответить на этот вопрос, и сестра предложила: «Напиши продолжение». Так маленький лесной житель отправился в большое путешествие по дорогам моего ума.

О чем эта притча на самом деле

Перед вами не просто сказка. Это приглашение к исследованию внутренней тишины, познанию себя. Здесь, за неспешными беседами лесных ежей, скрываются размышления о зыбкости границ между добром и злом, о вере и о том, как научиться видеть не только облака мыслей, но и само «небо», которое их держит.

В этой истории реальность пропущена через призму воображения. Жизнь в тихой деревне ежей-практиков переплетается с холодным миром технологичных снов, где герой оказывается лишь «клоном». Что из этого — истина, а что — лишь тень, отброшенная уставшим сознанием? Ответ на этот вопрос Тому придется искать на ощупь, рискуя навсегда затеряться между двумя мирами.

Для кого эта книга

Поскольку эта притча создавалась для самого близкого круга, она говорит прежде всего с моей сестрой — на языке, понятном нам двоим. Здесь есть смыслы, которые я, возможно, не решилась бы открыть широкой аудитории, если бы писала книгу для всех. В этом — её особая ценность и уязвимость. Я позволила себе говорить здесь о глубоком и тайном, не упрощая истину ради удобства. В последующих книгах цикла горизонт станет шире, но именно эта первая часть навсегда останется самой сокровенной.

Моя сестра так и не прочитала эту историю за те десять лет, что она ждала своего часа. Но, быть может, путь книги не бывает прямым — он идёт через чужие сердца. Я отпускаю эти страницы в мир, доверяя их случаю, который сводит книгу с читателем так же, как свет находит того, кто готов проснуться.

Самый первый напечатанный экземпляр я сохраню для неё. И верю: если хотя бы одно сердце отзовётся — значит, эта история всё-таки вернулась домой».

Глава 1. В поисках Проблемы

«Коли веришь, — есть; не веришь, — нет...

Во что веришь, то и есть...»

— Максим Горький, «На дне»

На самой опушке, в чаще папоротников и высокой травы, притаился домик Ёжика. Воздух здесь всегда был сухим и сладковатым от запаха хвои, нагретой за день солнцем. Было то тихое предрабачное время, когда мир затаил дыхание в ожидании солнца, а горизонт ещё не тронул первый золотой луч.

Ёжик, укутанный в плед, высунул нос в окошко. «Пахнет холодом», — мелькнуло у него в голове. Его будило странное беспокойство, которое он для себя называл «Проблема». И сегодня он твёрдо решил её найти. Сбросив плед и кое-как пригладив взъерошенные колючки, он вышел на крыльцо. Утренний воздух ущипнул его за нос влажным, колючим холодом. «Не просто холодно, а зябко до дрожи!», — констатировал Ёжик и зашагал по узкой тропинке, что вилась меж деревьями, словно тайный ход в ещё спящее зеленое королевство.

Лес дышал предрассветной свежестью. Ёжик пробирался сквозь эту бархатную тишину, замечая, как мир вокруг медленно просыпается. Тяжёлые капли росы, словно хрустальные слёзы ночи, свисали с кончиков паутинок и травинок и срывались вниз, оставляя на его шёрстке серебристые росчерки. Вчерашние ромашки плотно сжали лепестки в тугие кулачки, кутаясь от утренней стужи. Воздух гудел от тишины, пропитанный запахом сырой коры, грибной сырости и той особой горьковатой сладости, что бывает только у первых пожелтевших листьев.

Осень уже расставляла свои сети: сквозь зелень пробивались рыжие и золотые пятна, а в траве, на уровне глаз Ёжика, то тут, то там виднелись шляпки боровиков — крепкие, будто выточенные из дерева.

«Как там братишка?» — мысль возникла внезапно, заставив Ёжика замереть посреди тропинки. Лапка сама потянулась к колючкам, будто пытаясь унять странное беспокойство.

Брат ушёл в дальний лес — искать Счастье.

«Почему счастье всегда где-то там?» — Ёжик поднял глаза к рябине. Её ягоды полыхали багрянцем, каждая — как крошечное предупреждение о грядущих морозах. В детстве они с братом верили, что если съесть ровно семь ягод подряд, загаданное желание сбудется. Теперь же гроздь казалась предвестниками холода: «Много ягод — к суровой зиме...»

Он зашагал дальше, но споткнулся словно о собственные мысли. А упав, так и остался лежать, уткнувшись носом в прохладную, отдающую сыростью землю.

«Куда я иду? Ах да — за Проблемой...»

Над головой, сквозь редкие листья, мерцали звёзды. В детстве он долго гадал — то ли это огоньки, зажжённые кем-то на чёрном потолке, то ли дырочки в ночном покрывале, сквозь которые сочится дневной свет. Второе объяснение казалось ему правдивее — ведь как иначе объяснить, что небо утром становится светлым? Значит, покрывало просто снимают... «А брат говорил, что это фонарики мотыльков», — вспомнил Ёжик.

Лёжа на земле, в голову пришла мысль: брат ушёл не потому, что в их лесу не хватало чего-то важного. Просто иногда кажется, что ответы спрятаны за горизонтом — там, где небо смыкается с землёй, а звёзды становятся ближе.

«Тогда почему я Проблему ищу здесь, а не там?»

Звёзды таяли, словно кристаллики инея на прогретой коре. Скоро ночное покрывало свернут, и станет ясно: новый день — это просто ещё один шанс понять, что счастье не прячется в горьких ягодах рябины, не бродит по чужим чащам и даже не живёт на звёздах. Оно — в этом вот мгновении, когда ты лежишь на остывающей земле и вспоминаешь, как хохотал вместе с тем, кто теперь ищет его где-то за горизонтом.

Встряхнувшись, Ёжик потер ушибленный бок, сделал растерянный круг на месте и снова принялся бормотать себе под нос:

— Проблема! — будто подсказывал сам себе. Он поднимал листья лапкой, заглядывал под каждый камень, шарил взглядом в трещинах коры.

Под жёлтым кленовым листом обнаружился спящий муравей — видимо, вчерашний путник, не добравшийся до родного муравейника.

— Может, она там? — Ёжик подпрыгнул, цепляясь коготками за кору, и заглянул в нижнее дупло. Там, свернувшись пушистым клубком, спала Белочка, прикрыв лапкой своих бельчат. Она приоткрыла один глаз и сердито сверкнула им в полумраке.

— Простите-простите... — зашептал Ёжик и шлёпнулся обратно в траву.

Под плоским камнем притаилась лишь мутная лужица, отражавшая кусочек неба.

— Ладно, — вздохнул он и побрёл дальше, к реке, что струилась у подножия горы.

Здесь, в обрывистом берегу, зияли тёмные норки — даже друг Зайка толком не знал, кто в них обитает. Самая дальняя, таинственная, уходила куда-то под саму реку, под гору.

— Пробле-е-ема-а-а? — позвал Ёжик в тёмный проход.

Ему ответило из недр земли только эхо, далекое и насмешливое.

Ёжик сел, поджав лапки.

— А если Проблемы нет... то что я ищу?

Вопрос повис в воздухе, такой же неосязаемый, как эхо, ушедшее под гору.

— Твоя Проблема — это привязанность! — пронеслось в воздухе. Птица промелькнула, словно тень мысли, бросив слова в утренний воздух. — Ты ищешь её снаружи, а она сидит на твоих собственных колючках, как репейник!

— Это вы мне? — крикнул Ёжик ей вслед, но птица уже растворилась в тумане, оставив только шелест крыльев да странную фразу, которая повисла в голове колючим вопросом.

Он сидел, перебирая в уме:

«Привязанность? К чему я привязан? К этому лесу? К брату, который ушёл? К поиску?»

Туман сгущался, превращая мир в молочную пелену. Видны были только собственные лапки да кончик носа, на котором дрожала капля росы.

— Проблема... — прошептал Ёжик, вставая.

— Может, взять бревнышко и подплыть ближе к горе? — подумал Ёжик и тут же принялся искать подходящую лодку.

Неподалёку лежало несколько сцепленных коряг, словно настоящий старый, потрепаный волнами плот. Видимо здесь на берегу реки дети играли в путешественников. Находка оказалась тяжёлой и норовила зацепиться за прибрежную осоку. Плот словно нехотя расставался с твёрдой землёй, Ёжику пришлось изрядно потрудиться, чтобы подтащить его ближе к воде. Наскоро позавтракав ягодами, он осторожно забрался на свой шаткий корабль, взял в лапки длинный прутик, оттолкнулся — и поплыл.

Берег медленно отдалялся. От прутика и бортов плота по тёмной, гладкой воде расходились широкие круги, нарушая идеальное отражение неба. Ёжик смотрел, как они бегут к берегу, сливаются и исчезают. На самой середине реки прутик вдруг выскользнул из лапок и мягко упал в воду. Он легонько покачивался, а потом медленно поплыл вперёд, будто указывая путь. Ёжик смотрел, как течение уносит его прочь, и в голове само собой всплыло: «Почему все рождаются, живут и умирают?»

Лодка медленно двигалась по воде, проплывая мимо отвесных скал. Вскоре показался тот самый лес, куда ушёл младший брат, — такой же хвойный, но уже чужой.

Ёжик подумал:

«Он где-то там, ищет Счастье. А я вот здесь, плыву и ищу Проблему. Мы оба что-то ищем, только разное... Или одно и то же, но называем по-разному?»

Туман рассеялся. Солнце поднялось выше, и его лучи разом осветили и тот берег, и этот. А Ёжик всё плыл и плыл вниз по течению. Он не знал, найдёт ли брат своё Счастье. Не знал, найдёт ли он сам свою Проблему.

Ёжик смотрел, как знакомые деревья медленно удаляются, пока совсем не скрылись из виду. А впереди, за поворотом реки, открывались новые берега, где среди привычных сосен теснились мощные, незнакомые дубы и каштаны с их огромными, узорчатыми листьями.

Он оглянулся. Тот лес, что был для него «там» и целью брата, теперь остался позади и стал просто частью пейзажа. И его родной лес, что был всю жизнь его «здесь», давно скрылся из виду, превратившись в далекое «там».

Солнце поднялось еще выше. А Ёжик всё плыл и плыл вниз по течению, не зная, куда приведёт его эта река.

Глава 2. Странные незнакомцы

*«Дарить и принимать дары,
открывать сокровенное и расспрашивать,
угощать и принимать угощение —
таковы шесть признаков дружбы.»*
— *Руна Госвами, «Упадешамрита»*

Ёжик плыл всё дальше. Живот уже предательски урчал, напоминая о пропущенном обеде. Устав сидеть, он перевернулся на бок и уставился в небо.

Белые пушистые облака медленно плыли над ним. Ёжику вдруг показалось, что это не он плывёт по реке, а будто летит, как птица, по бескрайнему небесному океану, где облака — это таинственные острова в тумане.

«Почему все рождаются, живут и умирают?» — снова пронеслось в его голове.

Тук!

Дощечка внезапно стукнулась обо что-то твёрдое. Ёжик вздрогнул и приподнялся. Его «корабль» прибило к группе больших камней, торчащих из воды у самого берега.

— Ух! — обрадовался Ёжик.

Он лёг на животик, свесил коротенькие лапки в холодную воду и принялся усердно грести. Без этих камней, о которые то и дело ударялась его лодка, ему бы никогда не удалось преодолеть течение. Но сейчас они стали его спасительными островками — Ёжик отталкивался от них, медленно, но верно приближаясь к берегу.

Подплыв вплотную к берегу, Ёжик шлёпнулся в прохладную воду и вытащил свой плот на берег. Огляделся.

— Где это я? — прошептал он. — Я ведь никогда не уходил дальше своего леса...

Живот снова заурчал, напоминая о голоде. Ёжик, недолго думая, отправился в ближайшую чашу. Нашёл знакомые ягодки — не такие сладкие, как дома, но съедобные. Пожевал, успокаивая бурчащий животик.

Теперь можно было осмотреться.

Этот лес был другим: птицы пели словно незнакомые песни, воздух пах чужими цветами, даже листья на деревьях шелестели иначе. Ёжик наострил ушки.

— Неужели я так далеко уплыл? — Ёжик почувствовал лёгкий укол грусти. Его родной берег остался где-то там, за рекой...

Углубившись в чашу, он вдруг наткнулся на узенькую тропинку.

— Если есть тропинка... — Ёжик потрогал её лапкой, — ...значит, она куда-то ведёт!

Он постоял, размышляя. С одной стороны — река, которая принесла его сюда. С другой — неведомая дорожка, уходящая вглубь чужого леса. Он двинулся в путь.

Тропинка петляла между стеблей лопухов, когда нос Ёжика вдруг уловил странный запах — терпкий, с горчинкой, совсем непохожий на знакомые лесные ароматы. Он замер, насторожив колючки. В его родном лесу он мог с закрытыми глазами узнать любого: вот пахнет лисья шубка — рыжей листвой и мёдом, а вот — барсучий след, отдающий сырой землёй и кореньями. Но этот запах был новым, чужим, но и знакомый...

Осторожно раздвинув лапками занавес из мокрой от росы травы, Ёжик вдруг увидел — два блестящих чёрных глаза, смотрящих прямо на него из темноты. Сердце Ёжика застучало, как дятел по сухому дереву. Он отпрыгнул, но было поздно — трава зашевелилась, зашуршала, и оттуда высыпали...

Сначала он даже не понял, кто это. Существа! Похожие на ёжиков, но какие-то... другие. Их животики и иглы сверкали синими и алыми узорами, будто кто-то окунал их в сок спелых

ягод и синие цветы. Они прыгали вокруг, чирикавая на непонятном языке, тычась влажными носами в его бока.

— К-кто вы? — прошептал Ёжик, чувствуя, как по его спине бегут мурашки.

Незнакомцы с визгом подпрыгнули, словно обрадовались, что он заговорил, обнюхали, тычась мокрыми носами, даже облизнули его! Ёжик почувствовал, как по его шкурке стекает их липкая слюна.

— Что за дикари?! — закричал он, отбиваясь лапками.

Раскрашенные незнакомцы отпрыгнули назад, и теперь Ёжик смог их разглядеть. Их было четверо — два побольше и два поменьше. А из-под куста выглядывал пятый, совсем крошечный, весь вымазанный в чём-то алом.

— Кто вы? — повторил Ёжик, чувствуя, как дрожат его лапки.

В ответ посыпались странные звуки — шипящие, булькающие, совсем непохожие на привычную речь.

— Я вас не понимаю... — растерянно пробормотал он.

Тут одна из незнакомок — девочка с синими узорами на боку — вдруг заговорила на его языке, хоть и с непривычным акцентом:

— Ты кто?

Ёжик широко раскрыл глаза.

— Так вы умеете говорить по-моему?! — воскликнул он. В его лесу все звери понимали друг друга, даже птицы, хоть те и знали множество наречий.

Девочка-ёжик кивнула:

— Нас учил дедушка Зодя. Он... — она нахмурилась, подбирая слова, — много ходил. Знает речи разных лесов.

Маленький красный ёжик вылез из кустов и уставился на гостя круглыми глазами-бусинками.

— Кто вы такие? — спросил Ёжик.

— Это кто ты такой, что ты делаешь в нашем лесу? Мы тебя никогда раньше здесь не видели. Из какого ты поселения?

— Я приплыл к вам из другого леса.

— Зачем?

— Я... я искал Проблему.

— Нашел?

Ёжик пожал плечами и опустил глаза.

— Что такое «Проблема»? — поинтересовалась собеседница.

— Не знаю, — ответил Ёжик. Девочка недоверчиво на него посмотрела.

— Почему ты голый? И такой страшный? — спросила собеседница.

— Это вы какие-то странные, — обиделся Ёжик и подумал: «Наверно у них принято так ходить, а если ходишь как нормальный еж, это у них считается чем-то неприличным».

Ёжик внимательно оглядел незнакомцев. Узоры на их иглах действительно отличались:

Девочка, говорившая с ним, была украшена сложными синими завитками, будто кто-то вывел на ней речные волны. У остальных красно-синие полосы переплетались на брюшках, будто корни деревьев. А малыш и вовсе был целиком алым, словно его окунули в ведро с соком спелых ягод.

— Почему вы все такие... узорчатые? — не удержался Ёжик, тыкая лапкой в сторону красного крохи. — А он вообще весь в одном цвете!

Девочка выпрямилась, и синие завитки на её боку заиграли на солнце:

— Это зависит от расты, — важно пояснила она. — Видишь, я почти вся синяя.

«Наверное, синий — это как у нас звание „Самый колючий ёж года“», — подумал Ёжик.

— Быть синим — это... почётно? — осторожно спросил он.

— Ни почётно, ни нет, — девочка покачала головой, точно повторяя чьи-то слова. — Как говорит дедушка Зодя: цвет показывает твою направленность.

Малыш в это время пытался лизнуть собственный красный бок, явно не понимая, о чём идёт речь.

Пока Ёжик разговаривал с девочкой, остальные раскрашенные ежата вдруг зашумели. Они тыкали друг в друга лапками, громко чирикавая на своём странном языке.

— О чём они спорят? — спросил Ёжик, настораживаясь.

Девочка равнодушно махнула лапкой:

— Кто первый нашёл тебя.

— И... зачем им это? — Ёжик невольно поджал хвостик.

— Ну как же, — она оскалила мелкие зубки в подобии улыбки, — кто первый нашёл — тот первый и съест.

От этих слов Ёжик побледнел так, что стал похож на гриб-дождевик. Его колючки затряслись.

— Шучу! — фыркнула девочка. — Пойдём лучше с нами. В лесу опасно — можно встретить Красноухих.

— Кр-красноухих? — Ёжик запинаясь, едва выговаривая это страшное слово.

— Да. Это такие ёжи, — она обернулась, и её голос стал серьёзным, — которые ловят других ёжиков... и едят их.

Малыш, не обращая внимания на ужас гостя, весело подпрыгнул и побежал по тропинке. Девочка двинулась следом.

Ёжик колебался, оглянулся — трое остальных стояли сзади, переминаясь с лапки на лапку, и решил следовать за незнакомкой.

Малыш вдруг весело подпрыгнул и юркнул вправо от тропинки, исчезнув в зарослях папоротника. Ёжик, после секундного колебания, рванул за ним.

Он нашёл ежонка у полуразвалившегося пня. Кроха, причмокивая, запихивал себе в рот толстых белых личинок, их блестящие тельца лопались на его маленьких зубах.

— Фу! — Ёжик скривился, отвернулся — и поймал на себе пристальный взгляд Зоси.

До этого момента она казалась ему лишь болтливой девочкой. Но сейчас у неё был серьёзный взгляд и её синие узоры выглядели почти угрожающе.

— Феня! — резко позвала она, оттаскивая малыша от пня. — Пойдём домой.

Малыш вздрогнул и сразу же послушался. Ёжику показалось, что тот даже засмутился.

— У вас имена есть? — поинтересовался Ёжик, когда они вернулись на тропинку.

— Есть, — невесело ответила Зося. — Меня зовут Зося, в честь дедушки Зоди. Это Феня, — она кивнула на малыша, — а это мои братья Родя и Тодя, и двоюродная сестра Ёся. Мы все в деревне родственники.

— А эти... Красноухие — они тоже ваши родственники? — спросил Ёжик, осторожно переступая по узкой тропинке.

Зося вдруг сморщила нос, будто учуяла что-то неприятное, и промолчала.

— Как тебя зовут? — резко поменяла она тему.

— Меня зовут Том. Но дома меня чаще звали просто Ёжик.

— Том... — Зося на секунду задумалась, перекатывая это короткое имя на языке. — Какое интересное!

Как вдруг она спохватилась:

— Пойдём быстрее! До заката осталось мало времени, а я хочу показать тебя дедушке Зоде!

Глава 3. Ответственность

*«Служи верно, кому присягнёшь;
и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду.»*
А. Пушкин «Капитанская дочка»

Ежата вышли к деревне. Сумерки мягко обволакивали небольшой поселок, окрашивая соломенные крыши домиков в пепельные тона. Крохотные жилища, выстроенные в круг, напоминали грибное кольцо, возникшее словно по воле лесной магии. В центре этого круга пустовала детская площадка с качелями из плетеных лозин, а чуть поодаль — широкое костровище, где угли еще хранили следы бывшего жара.

Когда группа приблизилась, из домов начали высыпать встревоженные взрослые. Их раскрашенные тела мелькали в сгущающихся сумерках, как разноцветные огоньки. Лапки хватали потерянных подростков, подергивали за уши и колючки. Ворчание разносилось по поляне, перемешиваясь с писком провинившихся ежат.

Тома в этой суматохе заметили не сразу. Лишь когда он ступил на утоптанную землю центральной площадки, в деревне воцарилась тишина. Раскосые глаза местных жителей округлились, цветные иглы приподнялись в изумлении.

Из самого древнего домика, чьи стены поросли мхом и лишайником, показалась фигура. Старый еж, весь — от кончика носа до последней колючки — переливался глубокими синими витиеватыми узорами, будто впитал в себя всю синеву вечернего неба. Его посох, покрытый загадочными насечками, глухо постукивал по земле.

Взгляд синего старца, мудрый и всевидящий, остановился на Томе. Без единого слова родители поспешили увести свое потомство, оставляя на поляне лишь двоих — пришельца из другого мира и хранителя древних тайн.

Между ними повисло молчание, густое, как лесной туман. Даже сверчки перестали стрекотать, будто затаив дыхание в ожидании чего-то важного. Где-то вдаль упала шишка, и этот звук прозвучал громче любого слова.

Синий дед медленно поднял лапу, приглашая Тома приблизиться. Его движения были просты и в то же время словно полны необъяснимого величия, словно перед ним был не испуганный ежонок, а давно ожидаемый гость.

Том с интересом разглядывал старца. Дедушка стоял, озаренный последними лучами заката, и каждая морщинка на его мордочке складывалась в мягкие складки, будто приглашая довериться. В его взгляде, лишённом и тени осуждения, читалась бездна мудрости и светила такая доброта, что даже ночные тени вокруг него казались теплыми. А его молчание было утешительным — не пустым, а наполненным тем спокойствием, которое бывает только у тех, кто познал истинную суть жизни.

Перед сияющей фигурой старца Том внезапно ощутил странную ясность. Время замедлило свой бег. Он слышал, как за спиной шелестит листва, чувствовал вечернюю прохладу на своих иголках, улавливал слабый запах дыма от потухшего костра — и всё это сливалось воедино, словно границы между ним и миром растворились.

Внутренний монолог, обычно цепляющийся и непрерывный, смолк и распустился. Обрывки переживаний, тревог и образов теперь просто плыли в его сознании, как осенние листья по воде. Он не цеплялся за них и не гнал прочь — лишь тихо наблюдал, как они проплывают мимо. Взгляд его, очистившийся от внутреннего шума, с новой остротой воспринял мир: он видел, как ветер обдувает колючки старца, как мерцают звёзды в его глазах-озёрах, как поднимается и опускается его грудь в неторопливом дыхании.

В этом состоянии не было ни страха, ни вопросов. Лишь тишина, наполненная всем сразу — далёким уханьем совы, ровным биением собственного сердца, твёрдой опорой земли под лапками. Словно он вдруг вспомнил что-то невероятно важное, что всегда знал, но позабыл в повседневной суете.

А Дедушка всё так же молчал. И это молчание было не отсутствием слов, а их глубочайшей сутью — бездонной, как лесное озеро в предрассветный час.

— Я тебя ждал, — прошептал он так тихо, что слова едва долетели до Тома, смешавшись с шелестом листьев.

Том почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Этот старый еж, должно быть, и был легендарный дедушка Зодя.

— Здравствуйте, — ответил Том.

Старик ответил едва заметным кивком, и в этот момент из соседнего домика выскочила Зося. Ее синие узоры вспыхнули в темноте, когда она стремительно подбежала к старцу и начала что-то оживленно объяснять, жестикулируя лапками. Том разглядывал девочку, по-прежнему ощущая внутреннюю безмятежность, но что-то изменилось с ее появлением, Том почувствовал, как реальность снова собирается в привычные формы. Но где-то в глубине, там, где раньше жило ожидание и внутренний поиск, теперь мерцало новое знание — тихое, как свет светлячка в кустах.

Дедушка Зодя выслушал внуку, затем поднял лапу и погладил ее по лбу с любовью.

Зося тут же преобразилась. Она весело подпрыгнула, ее глаза заблестели, и, прежде чем Том успел опомниться, она уже схватила его за лапу и потащила к уютному домику с тёплым светом в окошках. Ее родители ждали на пороге, их раскрашенные силуэты вырисовывались на фоне золотистого свечения изнутри.

Том оглянулся через плечо. Дедушка Зодя все еще стоял на поляне, его глаза продолжали светиться в темноте, провожая их долгим, задумчивым взглядом.

Домик родителей Зоси оказался уютным с открытой верандой, где ветер играл плетёными занавесками из лозы. Внутри вместо кроватей висели гамаки. Один гамак повесили и для Тома.

— Что ты говорила обо мне дедушке? — Том ухватился за край своего гамака, пытаясь удержать равновесие.

Зося замялась, словно не хотела отвечать.

— Я сказала... — она провела лапкой по плетёной сетке, — ...что ты, скорее всего, будешь синим. Как мы.

— И что это означает?

Зося не ответила, она ловка забралась в свой гамак, отвернулась в противоположную сторону. Ёжику показалось, что она быстро уснула.

Он с трудом забрался в гамак, тот пах дымом старых костров и чем-то ещё — может, целебными травами, может, краской, которой покрывали Ёжики свои тела. После долгих бесплодных попыток улечься на спину, он сдался и перевернулся на живот.

Через сетчатое дно гамака он видел листья, занесённые ветром, отблеск луны на посуде у стены, тени, пляшущие от ночного светильника.

Где-то снаружи завыл ветер, и гамак слегка закачался, будто невидимое существо решило убаюкать чужака. Том уткнулся носом в грубую ткань, вдыхая этот странный запах — запах чужого дома, и стал засыпать.

Ёжику приснилось, что он видит красивых маленьких зверят, похожих на лошадок, но без грив. Их гладкие шеи изгибались благородными линиями, а шерсть переливалась перламутром в лунном свете. Ему объяснили, что это боги и у них есть очень большая магическая сила, но сейчас они в теле этих животных, и поэтому беспомощны. Тому сказали сворить из них суп. Чугунный котел уже булькал на огне, он несколько раз замахивался большим ножом на лошадок, но не мог их убить. Он не представлял, как может проткнуть их плоть ножом.

Лошадки смотрели на него мудрыми, печальными глазами, потом гордо отвернулись. Ёжика поразили эти глубокие, но полные печали глаза. Он подумал, что в следующей жизни он хочет стать такой маленькой, мудрой, но гордой лошадкой.

Сон рассеялся с первыми лучами солнца. Гамак Зоси был пуст — она уже ушла. Её братьев также не было видно. Том с трудом выбрался из неудобного ложа, все тело ныло от ночных мучений.

На улице его встретили трое местных жителей. Увидев Ёжика, они испуганно отпрянули. Один даже бросился бежать, захлопнув за собой дверь дома с таким грохотом, что с крыши посыпались сухие иголки и мох.

Том остался стоять один посреди чужой деревни, чувствуя себя незванным гостем. Где-то в глубине души еще теплился образ тех печальных глаз, будто напоминание о чем-то очень важном, что он не смог понять во сне.

Зося внезапно появилась перед Томом, ее синие узоры казались ярче в утреннем свете и словно обновленными, завитки вились несколько иначе, не как вчера.

— Дедушка хочет знать, что тебе сегодня приснилось, — сообщила она без предисловий, взяв его за лапку.

Том удивленно пожал плечами, но послушно последовал за ней к старой хижине, крытой мхом. Зося остановилась у порога, жестом показав, что ему следует войти одному.

Внутри пахло сушеными травами и древесной смолой. Дедушка Зодя сидел в кресле-качалке, его синие иглы мягко переливались в полумраке. Взгляд старца был устремлен куда-то вдаль, будто он видел нечто за пределами стен.

— Доброе утро, — осторожно поздоровался Том. — Вы хотели меня видеть?

— Доброе утро, сынок, — отозвался старец, не меняя положения. — Садись.

Он указал на низенькую табуретку рядом.

— Расскажи, что видел во сне сегодня, — попросил дедушка, и в его голосе не было вопроса — лишь тихое повеление.

— А разве это так важно? — садясь на предложенное сидение, невольно вырвалось у Тома.

Молчание стало ему ответом.

Он начал рассказ, и по мере повествования для Тома воздух в хижине словно сгущался. Дедушка слушал не шелохнувшись, лишь изредка моргая, будто фиксируя каждую деталь.

Когда Том закончил, в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом качалки. Затем старец медленно поднялся, опираясь на резной посох, подошел к дубовому шкафу и достал из глиняного кувшина синий камешек, гладкий, будто обточенный морскими волнами.

— Возьми, — просто сказал он, протягивая камень Тому.

Не объясняя ничего, дедушка вернулся в кресло и вновь начал раскачиваться, его глаза снова устремились в невидимую точку.

Том встал, зажав в лапке неожиданный дар, и направился к выходу. У двери он задержался, обернувшись — но старец уже словно его не замечал.

Том сделал шаг назад.

— А разве так важно, что мне приснилось? — снова спросил он.

Дедушка Зодя перестал качаться. Его темные глаза, глубокие как лесные озера, пронзили Тома.

— Почему ты не выполнил приказ? — голос старца звучал мягко, но в нем чувствовалась стальная твердость. — Тебе же сказали сварить суп из тех лошадок.

— Я... я не смог их убить, — прошептал Том, опуская взгляд. Его лапки сжались в кулачки.

— У тебя был выбор?

— Нет, — Том покачал головой, — мне нужно было это сделать. Я даже не думал, что можно отказаться. Но когда взял нож и занес его... просто не смог.

Дедушка наклонился вперед, его тень удлинилась по полу.

— Значит, ты также не сможешь убить врага, который нападет на твою деревню?

Том замолчал. В груди что-то болезненно сжалось.

— Не сможешь, — сам ответил пожилой еж. — В последний момент ты опустишь оружие.

— Они же живые! — вырвалось у Тома. — У них есть родители, они хотят жить... никто не хочет, чтобы их дети...

— Вот и я говорю, — перебил дедушка, — воином тебе не быть.

Том понуро побрел к двери, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Почему расстроился? — донесся голос старца.

— Вы сказали, что мне воином не быть...

— А ты хотел им быть?

Том замер.

— Я... никогда об этом не думал.

— Тогда почему огорчился? Если б я сказал, что поваром тебе не быть — а это тоже правда — ты бы тоже расстроился?

— Да, — честно признался Том.

— Почему?

— Не знаю... Просто если я для чего-то не гожусь, если я не такой, как все...

— Но воин — он разве «как все»? И повар тоже, — мягко заметил дедушка.

Тишина.

— Ты не выполнил приказ, — напомнил старик.

— Вы считаете, это была моя ошибка? — Том обернулся, в его глазах стояли слезы.

— Почему ты его не выполнил?

— Я не мог! — выдохнул Том. — Они живые! Я просто... не смог!

Дедушка медленно поднялся, его посох глухо стукнул по полу.

— Как думаешь, что было бы с тобой, если б сон продолжился? Ты получил задание — и не выполнил.

Том сглотнул.

— Тем, кто дал приказ... это бы не понравилось. Они не ожидали, что я могу послушаться... что вообще можно потерпеть неудачу в таком простом деле.

— И?

— Меня бы наказали. Заставили сделать силой. А если б я и тогда отказался... изгнали бы. Или... убили.

Старый еж подошел ближе. Его дыхание пахло травами и чистым пространством.

— Зная это... если б вернулся назад — смог бы сварить тот суп?

— Нет, — твердо ответил Том.

— Почему?

— Не смог бы убить их.

— И о чем это говорит?

Том опустил плечи:

— Наверное... я слабак.

Дедушка вдруг громко стукнул посохом об пол!

— Так ты берешь на себя ответственность! Не делаешь то, что против твоего сердца, зная последствия! И это — слабость?! — его голос гремел, но глаза не казались рассерженными.

Том вздрогнул, широко раскрыв глаза.

— Значит... это плохо, что я не сделал, что должен был? — растерянно пробормотал он.

Дедушка воздел лапку:

— Вопрос в другом, внучек. А должен ли ты был это делать?

Последние слова повисли в воздухе, наполненном ароматом сушеных трав и мудростью веков.

Том вышагнул на солнечный свет, чувствуя, как мир вокруг потерял четкие очертания. Его мысли путались, как спутанные лесные тропы после дождя.

Зоя тут же очутилась рядом.

— Ну как? Что сказал дедушка? — ее голос звенел, как ручей в весеннем лесу.

Том молча разжал лапку. На бархатистой подушечке лежал камушек — маленький, но удивительно глубокого синего цвета, будто в нем заключили кусочек неба над головой.

— Ура! — вскрикнула Зоя, и, прежде чем Том опомнился, ее теплые лапки уже обнимали его шею. — Ты тоже синий!

Она отпрянула, схватила его за лапку и потянула за собой, ее голос ликовал:

— Пойдем! Наши художники тебя разрисуют!

Том покорно последовал, все еще ощущая во рту привкус неразгаданной тайны.

Глава 4. Первый рисунок

*«Как иллюзия, как сон, как пузырь, как тень...
Ум предшествует всем явлениям, ум их создает.»*
— *Дхаммапада*

Зося уверенно вела Тома сквозь деревню, солнце играло на синих узорах её спины.

На главной площади внимание Тома привлек одинокий ёж. Он сидел неподвижно, неотрывно глядя на камень перед собой — обычный серый булыжник, который, однако, казался для него целой вселенной. Его неподвижность контрастировала с суетой деревни, словно кто-то на мгновение остановил время вокруг этого существа.

— Родя! Тодя! — звонко окликнула Зося своих братьев, которые брели в противоположном направлении с мешочками, набитыми чем-то звенящим. — Вы куда?

— К реке! В камушки играть! — ответил Родя, встряхивая своим мешочком. Внутри зашуршала галька. — Пойдем с нами!

— Не могу! — Зося гордо выпрямила спинку. — Тому сейчас рисунок делать будут!

Родя и Тодя задумались, видимо над тем, стоит ли продолжать свой путь к реке или посмотреть какой рисунок будут делать Тому. Но решили продолжить свой путь к намеченной цели.

Том обернулся. Тот странный ёж на площади даже не пошевелился, его взгляд по-прежнему был прикован к камню. Казалось, он ждал, когда булыжник заговорит.

Они миновали последние дома, окружавшие просторную песчаную поляну. Дом художников стоял на отшибе, у самой границы деревянных домов.

— Вот мы и пришли! — объявила Зося, и её голос прозвучал торжественно, как будто они пересекли не просто деревню, а целую страну.

Перед домом, к которому они подошли, молодой ёж строгал дощечки, стружки кучерявились у его лапок. На пороге сушились две картины — на одной река извивалась синей лентой, на другой лесные деревья тянулись к облакам, будто желая их достать.

Том, приближаясь, уловил резковатый запах — теперь он понял, что это пахла краска, смешанная с древесной смолой. В глубине дома, в полумраке, виднелась фигура пожилого ежа. Его мастерская была завалена склянками, кистями и холстами, больше напоминая волшебную лабораторию, чем жилище.

За домом резвились ежата, их смех звенел, как колокольчики.

— Так они рисуют картины? — удивился Том, разглядывая художества.

Зося кивнула и подошла к молодому ежу, что-то сказала. Тот внимательно оглядел Тома, затем утвердительно кивнул и скрылся в доме, чтобы переговорить со старшим.

— Они сейчас подготовят краску, — пояснила Зося, вернувшись к Тому.

— Эти художники всех в деревне разукрашивают? — поинтересовался он, разглядывая картины.

Зося рассмеялась, её голосок зазвенел, как ручеёк:

— Если бы они всех разукрашивали, тут бы выстроилась очередь до самого леса! У них и так дел не впрок.

— А что они мне нарисуют? — Том невольно прикоснулся к своему пока ещё серому животу.

— Не знаю, — Зося игриво пожала плечиками. — Это всегда сюрприз.

Из дома донёсся звон стеклянных сосудов — художники начали готовить краски. Том замер в ожидании, чувствуя, как сердце стучит чаще. Ветер принёс запах трав и чего-то ещё — возможно, перемен.

Из тени дома выплыл древний ёж, его спина была сторблена годами, а иглы — седыми, как зимний иней. Он что-то прошептал хриплым голосом, похожим на шорох сухих листьев.

— Он просит показать камень, — перевела Зося, толкая Тома в бок.

Том разжал лапку. Старик взял синий камешек дрожащими лапками, покрытыми трещинами и пятнами прожитых лет. Он долго рассматривал его, поворачивая так и этак, затем он кивнул сам себе, словно получив ответ на невысказанный вопрос, и вернул камень Тому.

Его сын, молодой ёж, тем временем размешивал в глиняной чаше густую синюю краску, цвет которой напоминал чистое небо в полдень.

— Кисточки у них из беличьих хвостов, — шепнула Зося, усаживаясь на скамейку напротив. Её глаза блестели от возбуждения.

— А... надолго хватит? — спросил Том, наблюдая, как художник окунает кисть в краску.

— Если не мыться — месяц продержится, — рассмеялась Зося. — Но ты же не будешь месяц ходить грязным?

Холодная кисть коснулась животика, заставив Тома вздрогнуть.

— Значит... потом опять сюда идти?

— Мы сами себе рисуем, — пояснила Зося. — Научишься — будешь делать это сам. А пока можно к ним ходить.

Том вздохнул, глядя, как синие линии расползаются по его телу.

— И... это теперь навсегда?

— Так ты станешь своим, — мягко сказала Зося. — Тебя перестанут бояться.

Том закрыл глаза, чувствуя, как краска холодит кожу. Хотел ли он этого? Не знал. Изменит ли этот рисунок больше, чем просто цвет его игл и кожи?

Тем временем, холодная краска щекотала кожу, заставляя Тома непроизвольно вздрагивать. Кисть скользила по его животу, оставляя замысловатые синие линии — то нежные, как паутинка, то уверенные, как речные потоки.

— Сиди спокойно, — сказала Зося, когда Том в очередной раз дёрнулся.

Но как тут усидишь, когда по тебе ползает беличья кисточка?

Наконец, последний штрих был сделан. Художник подвёл Тома к потускневшему зеркалу, висевшему на стене.

Отражение поразило его.

На груди и животе расцвела голова лошади — та самая, из сна! Её глаза смотрели мудро и печально, а завитки вокруг напоминали то ли гриву, то ли ветер, играющий в степных травах.

— Со временем узоров станет больше, — объяснила Зося, любуясь работой. — Когда проявятся твои новые качества, могут добавить красного.

Том осторожно прикоснулся к рисунку. Краска уже подсохла, слегка стягивая кожу.

— Я никогда не смогу сам так нарисовать, — прошептал он.

— Пустяки! — махнула лапкой Зося. — Можно начать с глаза или носа. Главное — тема. А художники всё равно каждый раз делают по-новому. Дедушка Гог... он будто чувствует, что нужно нарисовать именно сегодня.

Том указал на закрученные линии:

— Это грива?

Зося перевела вопрос. Художник отрицательно покачал головой.

— А где я возьму краску... — начал Том, но тут молодой ёж протянул ему маленькую баночку, наполненную той же синей субстанцией.

— Пока бери у них, — сказала Зося, направляясь к выходу. — Потом научишься делать сам.

Том поблагодарил кивком — слова застряли в горле. На пороге он обернулся. Дедушка Гог сидел в углу, его старческие глаза блестели в полумраке. Казалось, он улыбается, видя, как синяя лошадь на животе Тома делает первый вдох.

А на площади, как и прежде, сидел тот странный ёж, всё так же созерцая свой камень. Но теперь Тому почему-то казалось, что он понимает этого чудака чуть лучше.

Зося остановилась на тропинке:

— Ты как долго собираешься здесь пробыть? — спросила она, подбирая слова с необычной для неё осторожностью.

Том провёл лапкой по свежему узору на животе, чувствуя, как краска слегка стягивает кожу, не смотря на добавленные в неё масло.

— Я с утра думал об этом... — начал он медленно. — Если разрешите, остался бы до весны. Сейчас осень, скоро ударят морозы, а потом зима... — его голос дрогнул. — Опасно сейчас отправляться в обратный путь. Я бы мог...

— Отлично! — Зося радостно перебила его, подпрыгнув на месте. — Тебе у нас понравится! Я поговорю с дедушкой Зодей, он точно не будет против.

Она уже мчалась вперёд, её восторженные слова растворялись в воздухе, а Том остался стоять, ощущая грусть в груди.

«Неужели я увижу родной лес только через полгода?».

Перед глазами всплыли знакомые образы — старая рябина у реки, папоротники у дома, знакомая с детства тропинка, дупло, где он хранил запасы на весну, чтобы было чем перекусить после зимней спячке... Здесь всё было иным: запахи, краски, даже звёзды, наверное, располагались по-другому.

Ветер донёс до него смех Зоси — лёгкий, как шелест листвы. Том вздохнул и сжал крепче в лапках баночку с краской. Возможно, этой осенью он откроет что-то новое не только об этом странном племени, но и о себе самом.

А пока... пока он будет учиться жить с лошадью на животе и ждать, когда сойдет снег и тропинки снова станут проходимыми.

— Теперь пойдём гулять, — Зося взяла у Тома баночку с краской и поставила у своего крыльца, — и по дороге найдём что-нибудь вкусненькое! А завтра постарайся встать пораньше. Мы каждое утро бегаем на пруд купаться. Самые отчаянные добираются аж до реки! Потом делаем зарядку.

Том кивнул, уже представляя, как завтра освежится в прохладной воде вместе с новыми друзьями.

Но следующее утро сложилось иначе.

Когда он наконец проснулся, солнце уже стояло высоко, а из открытого окна доносились смех и брызги — купание и зарядка явно закончились. Том потянулся, чувствуя, как новый узор на животе слегка натягивает кожу.

«Неужели они правда встают с первыми лучами?» — подумал он, разглядывая пустые гамаки Зоси и ее братьев.

Том почесал затылок и твёрдо решил: завтра он обязательно проснётся раньше всех. Даже если для этого придётся уснуть с шишкой в лапках, как советовал когда-то старый барсук из его родного леса.

А пока... пока можно отправиться на поиски Зоси и расспросить её о том, чем ещё занимаются здесь по утрам. И заодно найти тот самый «вкусненький» завтрак, который они так и не нашли вчера.

Глава 5. Утренняя практика

«В переживании видения нет разделения между тем, кто видит, и тем, что видится.»

— *Чогьял Намкай Норбу*

Тому казалось, что он проснулся ещё до рассвета, и был гордый собой. Но когда он выбежал на веранду, дыхание перехватило — вся деревня уже собралась на центральной поляне.

Ежи сидели в идеальном кругу, но... они были другими.

Никаких синих узоров, никаких красных завитков — только обычные серые колючки, мокрые и блестящие после утреннего купания. Лишь несколько ежей сохранили рисунки, выделяясь пятнами цвета среди монотонной массы.

Том замер, пытаясь осмыслить увиденное.

«Неужели...»

Мысль ударила, как холодная волна: эти несколько раскрашенных ежей — не гордые художники, а... грязнули? Те, кто ленится мыться в прохладной воде пруда? Или, может, те, кому лень каждый день заново наносить узоры после купания?

Том нашёл свободное место в кругу, присел, и только тогда осознал — он тоже здесь с рисунком. Краска на его животе выделялась ярким пятном среди серых, вымытых животиков остальных. Странное чувство — будто роли перевернулись. Он с благодарностью посмотрел на тех немногих, кто сохранил свои узоры — хорошо, что не он один такой.

Тишина.

Все сидели неподвижно, словно зачарованные. Ни зарядки, ни разговоров — только странное, почти осязаемое молчание. Том украдкой скользил взглядом по соседям, пытаясь понять: это уже конец утреннего ритуала или его начало?

Он скопировал позу ближайшего ежа — прямая спина, лапки сложены, взгляд в никуда. Лишь бы не выдать своего неведения.

Минуты текли медленно, как густой мёд.

«Неужели они так сидят каждое утро?» — удивлялся Том. Он никогда не заставлял этого, просыпаясь слишком поздно.

Маленький жучок полз по земле, его панцирь переливался в первых лучах солнца. Том следил за ним, затем поднял глаза к небу — розовому, прозрачному, как леденец. Утро дышало прохладой, но в груди было тепло.

И вдруг —

Он почувствовал, как что-то внутри расправляет крылья. Без причины, без объяснений — просто чистая, светлая радость, поднимающая его над землёй.

Постепенно круг ожил. Кто-то сложил лапки у груди, кто-то улыбнулся соседу. Ритуал, которого Том так и не понял, завершился сам собой — так же естественно, как ночь сменяется утром.

Том заметил Зосю на другом конце площади — она о чём-то оживлённо беседовала с пожилой ежихой, жестикулируя лапками. Не желая мешать, он тихо поднялся и направился бродить по деревне, наблюдая за утренним действием.

Повсюду ежи наносили друг другу узоры — кто на крылечке, кто на поваленном бревне, а кто и просто на земле, склонившись над глиняными чашечками с краской. Одни старательно выводили линии на своих животах, другие, смеясь, помогали соседям. В воздухе витало что-то тёплое — не только от восходящего солнца, но и от этой тихой, мирной радости, наполнявшей деревню.

Том замер, заворожённый зрелищем. В этих простых движениях, в сосредоточенных мордочках, в сдержанном смехе было столько гармонии, что он не сразу заметил, как к нему подкралась Зося.

— Мы сейчас пойдём собирать яблоки и орехи в лес, — сообщила Зося, её глаза блестели от предвкушения. — Ты с нами или останешься с Тодей и Родей плести гамаки? Они научат.

Том задумался на мгновение, представляя оба варианта:

Первый: Лес — хруст опавших листьев под лапками, сладкий запах спелых яблок, смех девочек среди деревьев.

Второй: Гамаки — плетение под руководством братьев, размеренный ритм работы, новые навыки.

— Сегодня — в лес! — решил он. — А завтра научусь гамаки плести.

Зося радостно подпрыгнула.

— Отлично! Тогда пошли, наши после завтрака будут ждать у края деревни.

Том бросил взгляд на братьев, которые уже разматывали прочные нити для плетения. Завтра, подумал он. Завтра будет день новых умений. А сегодня — приключения и полные корзины осенних даров леса.

После завтрака компания отправилась в лес, вооружившись корзинами и мешками. Большая часть отряда быстро скрылась среди деревьев, а пожилая ежиха, идущая рядом с Зосей, так

увлеклась рассказом, что Том не решался перебить её, чтобы расспросить о странном утреннем ритуале.

Разделившись для сбора, Том остался один под раскидистой яблоней, вокруг которой лежало море спелых плодов. Ему, как единственному мужчине в этой группе, поручили собирать самые крупные яблоки в мешки для дальнейшей транспортировки на тележке.

Поначалу объём работы обескуражил — мешков было много, а яблок ещё больше. Мысль о том, что придётся провести здесь полдня в одиночестве, вызвала лёгкую досаду. Но стоило начать, и монотонное занятие неожиданно увлекло.

Том выработал целую систему. Первая горка для хранения — идеальные, неповреждённые плоды. Вторая ближняя кучка — яблоки «скорой» еды с небольшими изъянами. А отдельно в стороне — червивые и подпорченные, которые он аккуратно откладывал, жалея маленьких обитателей в них.

Работая методично, он расставил мешки соответственно сортировке, чтобы потом не запутаться. Солнце пробивалось сквозь листву, рисуя на земле кружевные узоры, а сам Том, полностью погрузившись в процесс, даже не заметил, как перестал чувствовать себя одиноким.

Когда последнее яблоко заняло своё место в мешке, солнце уже стояло высоко. Усталый и проголодавшийся Том присел под яблоней, закрыв глаза.

Вдруг до него донеслись странные звуки — нежные, переливчатые, будто ручей, бегущий по камешкам. Это была не флейта, а что-то более глубокое, струнное.

Том пошёл на звук и увидел ту самую пожилую ежиху, что утром разговаривала с Зосей. Она сидела на большой шишке, а у неё на груди висел необычный инструмент с клавишами.

Заворожённый, Том подошёл ближе.

Ежиха прервала игру, обернулась и, увидев слушателя, улыбнулась. Лапки вновь заскользили по струнам и клавишам, и знакомая мелодия ожила в воздухе.

Когда последний аккорд затих, она подошла к Тому и что-то спросила.

— Том, — представился он, догадываясь о смысле вопроса.

Ежиха — Тося (имя, показавшееся Тому слишком юным для её морщинистой мордочки) — кивнула и задала ещё несколько вопросов. Том угадывал их смысл по интонации: сколько ему зим? Есть ли у него родня? Где его дом?

Том пытался объяснить, что он из-за реки, недалеко от высоких гор.

И вдруг произошло чудо.

Её лапки снова заскользили по струнам и клавишам, но теперь мелодия была совсем иной — то прыгающей, как он сам в детстве, то осторожной, как его первые шаги в этой деревне. Том замер, осознав: это про него.

Впервые в жизни кто-то играл музыку, посвящённую именно ему.

Старая Тося что-то объясняла, показывая то на его грудь, то на небо, то на струны. Её слова тонули в звуках инструмента, но Тому казалось, что она говорит о чём-то важном — о том, как его сущность резонирует с миром, о каких-то дисгармониях, требующих настройки.

Он не понимал ни слова, но сердце почему-то сжималось и разжималось в такт музыке, а по спине бежали мурашки — будто кто-то невидимой кисточкой рисовал узоры прямо под его иголками.

И хотя смысл оставался скрытым, Том знал одно: никогда ещё его обычное, будничное имя не звучало так волшебным, как в этой странной песне про него самого.

А вокруг кружились яблочные листья, подхваченные тёплым ветром, и казалось, что даже они танцуют под эту странную, прекрасную музыку.

Тося подошла к ним, и мелодия Тоси оборвалась на полуслове.

— Том, я не представила тебя, — сказала подруга, касаясь его лапки. — Это Том. А это — Тося.

Пожилая ежиха что-то пробормотала, и Тося перевела:

— Она говорит, что многие зовут её «бабушкой Тосей», но ей больше нравится просто «Тося».

Том смущённо поёрзал на месте. Как обращаться к этой седой ежихе, будто она его ровесница?

— Она мне что-то говорила, но я ничего не понял, — признался он.

Зося рассмеялась, поправляя корзину с орехами:

— Боюсь, я тебе не помогу. Я и сама её не всегда понимаю. Она живёт на какой-то своей волне. Всё у неё — энергия, вибрации, ощущения...

Она поставила свои корзины рядом с ягодами Тоси. Том, не раздумывая, взял две самые тяжёлые ноши. Зося подхватила оставшиеся, и Тосе ничего не осталось, кроме как идти впереди, наигрывая свою загадочную мелодию.

— Но мне с ней интересно, — продолжала Зося, шагая рядом с Томом. — Если только она не пытается втолковать мне свои знания. Мне хватает учения дедушки Зоди.

Она сделала выразительный жест лапками у висков, будто её голова вот-вот взорвётся от чужих идей.

— Тося твердит, что мне нужно изучать, как видят мир другие ежи. Но зачем? Учение дедушки самодостаточно!

Том задумчиво посмотрел на удаляющуюся фигуру Тоси:

— Но другие знания могут быть интересными...

— О, безусловно! — Зося энергично кивнула. — Просто я считаю — чтобы понять мудрость дедушки, не нужно искать ничего на стороне. Ты и сам скоро в этом убедишься.

Впереди Тося играла свою странную музыку, а за ней, переговариваясь, шли Том и Зося — каждый со своими мыслями, каждый со своей правдой.

Том, задумчиво спросил:

— Разве твой дедушка — настоящий учитель? Чему именно он учит?

Зося остановилась чтобы переложить корзину из одной лапки в другую, и в её глазах вспыхнула искорка гордости:

— Да, мой дедушка — учитель. У нас большинство старейшин становятся наставниками, когда приходит время. Но мой дедушка особенный — он начал постигать знания ещё ребёнком, а позже сам стал преподавать в нашей лесной школе. Поэтому у него так много учеников.

Она кивнула в сторону Тоси, шагавшей впереди:

— Тося была среди первых его учеников. Да, она может показаться... необычной, но её глубоко уважают за многолетние поиски знаний.

Том заметил, как солнечные блики играют на струнах инструмента Тоси.

— Наверняка она уже пыталась рассказать тебе о своей мечте, — продолжила Зося, — но на своём загадочном языке. Она постоянно ищет тех, кто мыслит с ней в унисон. Так она познакомилась с теми странными ежами с окраин, чьи идеи иногда пытается привить нашим сородичам.

Зося сделала предостерегающую паузу:

— Просто будь осторожен и не поддавайся её уговорам. Хотя... — её голос смягчился, — в остальном с ней невероятно интересно. После общения с ней мир начинает казаться другим.

Том молча кивнул, но в душе испытывал смятение. Описание Зоси было столь противоречивым — с одной стороны предостережение, с другой — восхищение. Он вновь убедился, что попал в совершенно иной мир, где всё — от обычаев до мировоззрения — разительно отличалось от привычного ему уклада.

Впереди Тося заиграла новую мелодию, и звуки её инструмента смешались с шелестом листвы, будто сама природа присоединилась к их странному разговору.

Они уже достигли деревни, когда Тося растворилась у тенистого садика. Том и Зося аккуратно сложили корзины с припасами у низкого забора возле домика повара — место было знакомое, отмеченное вытертой тропинкой и стойким ароматом вяленых трав.

— Я предупрежу остальных о яблоках, — сказала Зося. — Надо отправить тележку.

— Я пойду с ними, — предложил Том. — Объясню, где какие мешки лежат.

Когда мужчины вернулись из леса, тележка, гружёная мешками яблок, покачивалась за ними, но в деревне царила непривычная суэта. Жители перешёптывались, бросали тревожные взгляды в сторону леса. Том, почувствовав неладное, сразу начал искать Зося.

Он нашёл её дома. Она лежала в гамаке, свернувшись калачиком, и тихо плакала.

— Что случилось? — Том подошёл ближе, его голос дрогнул.

— Ёся пропала, — Зося с трудом выдавила слова сквозь слёзы. — Она ушла с нами утром... но не вернулась.

Том попытался успокоить её:

— Может, она зашла к кому-то в гости?

— Нет... — Зося покачала головой. — Приходили воины. Те, что живут на границе и охраняют деревню. Они видели следы Красноухих... но те скрылись.

Том почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Это ещё не значит, что Ёся в беде...

— Воины сказали, — голос Зоси сорвался, — что к ним пришёл связной от Красноухих. Они... они взяли в плен одну из наших.

Она снова разрыдалась, слова потерялись в рыданиях. Том замер, глядя на неё, и впервые осознал, насколько хрупким может быть этот странный, но уже ставший ему близким мир.

Он выскочил на улицу, и холодный вечерний воздух обжёг ему лёгкие. Казалось невероятным, что этот день начался с таких светлых надежд, а закончился чёрной бедой.

У дома Управляющего собралась толпа. Сам хозяин, статный, с благородной проседью в иголках, стоял на крыльце, пытаясь успокоить перепуганных жителей. В окне мелькнуло испуганная мордочка его жены, прижимающей к себе малышку.

Когда Том приблизился, разговоры внезапно стихли. Только Родя и Тодя неистово колоутили себя в грудь, их крики разрывали тягостную тишину.

— О случившемся знаю, — первым нарушил молчание Том, забыв о приветствиях. — Каков план?

Управляющий задумался, его тень удлинилась на закатном свете.

— Будем спасать, — прозвучал твёрдый ответ на удивление понятном языке.

— Но как это вообще произошло? — Том не мог смириться с мыслью, что кто-то мог похитить ежиху прямо из их леса.

В этот момент пронзительный крик прорезал воздух. Мимо промчалась мать Ёси, и вскоре из её хижины донеслись душераздирающие рыдания. Казалось, сама тьма сгущается над деревней.

— Красноухие предлагают обмен, — тихо сообщил Управляющий. — Ёсю на здорового молодого ежа, не воина. Видимо, специально за этим и приходили.

— Но зачем им пленники?

— Для рытья зимних убежищ. Пока мы ищем готовые норы, они заставляют пленных копать новые — боятся, что мы найдём их зимой.

Том вдруг оживился:

— Я пойду вместо неё! Я здесь чужой, не приношу особой пользы...

— У нас нет чужих, — мягко, но твёрдо возразил Управляющий.

Родя и Тодя снова закричали, требуя внимания. Стало ясно — они тоже рвутся спасти сестру.

— Выбрать меня — самое разумное, — настаивал Том.

— Решение должны принять старейшины. Лучше всего, если это будет дедушка Зодя — её родной дед. А теперь прости, мне нужно посоветоваться с воинами, — ответил Глава деревни.

Он что-то коротко бросил братьям и зашагал прочь, но на прощание обернулся к Тому:

— Не переживай! Наши воины — сильнейшие, и Красноухие это знают.

Его фигура быстро растворилась в сумерках, оставив Тома стоять среди расходящихся жителей, каждый из которых нёс в сердце свою долю тревоги и надежды.

Том медленно побрел к хижине дедушки Зоди, и с каждым шагом тревога в его груди немного утихала. Сама мысль о старом мудреце приносила успокоение — словно свет в конце темного туннеля.

Дедушка сидел у порога на потертой скамеечке, его синие иглы мягко переливались в вечернем свете. Внешне он казался спокойным, но Том уловил едва заметное напряжение в его позе.

— Здравствуй, здравствуй, сынок, — дедушка поднялся навстречу, и его морщинки сложились в теплую улыбку. — Рад тебя видеть.

— Дедушка, — Том, не теряя времени, выпалил: — Разрешите мне быть выкупом за Ёсю! Я здесь чужой, мое исчезновение никто не заметит...

Дедушка поморщился, словно от резкого звука.

— Пожалуйста, — протяжно продолжал Том. — Даже если я погибну в плену... Ничего страшного. Я уже потерял родной лес, я — никто...

Внезапно крепкие старческие лапы обняли его.

— Не говори так. Если не будет тебя, мир перестанет быть целым, — прошептал дедушка. Его голос звучал как шелест древних листьев. — Без тебя исчезнет красота, песня мира потеряет одну ноту. Разве может быть песня без всех нот?

— Но Ёсю надо спасать! — Том сжал кулачки.

— Мы спасем её, — уверенно сказал старец. — Она тоже важная нота. Все мы — ноты в великой песне.

— Но как? Нам нужен пленник для обмена...

— Наши воины найдут выход. Они проходили через худшее.

— Я хочу помочь! — настаивал Том.

Дедушка вздохнул и погладил его по колючкам:

— Хорошо. Иди к пограничным воинам, поговори с ними. Вместе мы спасем малышку.

— Он заглянул Тому в глаза: — Но запомни мои слова. Никогда больше не говори о себе так.

Глава 6. План по освобождению

«Когда наше тело болеет, мы не уничтожаем его, а пытаемся исцелить. Нам следует не уничтожать вредных членов общества, а заботиться о них»

— по смыслу учений Далай-ламы XIV

Том стоял на тропинке в гуще незнакомого леса. Воздух был наполнен ароматами коры и прелой листвы, а где-то вдали перекликались невидимые птицы. Он не знал, куда идти, но решил двигаться туда, где скрылся Управляющий — может, там он найдет тех, кто ему нужен.

Шаг за шагом Ёжик углублялся в чащу. Солнечные лучи едва пробивались сквозь плотный полог листьев, оставляя на земле причудливые узоры. Лес молчал, будто затаив дыхание, и лишь шелест ветра нарушал тишину.

И вдруг...

Тонкий, едва уловимый запах — который показался знакомым. Запах ежей!

Том насторожился. Он огляделся, но вокруг никого не было — только деревья, кусты да мох, мягко проминающийся под лапками.

«Откуда этот запах?»

Он сделал шаг в сторону, заглянул за пушистый папоротник, обошел могучий дуб, корни которого, как щупальца, впивались в землю. Никого.

«Может, показалось?»

Но нет — запах был явным, близким.

Том вздохнул и уже хотел продолжить путь, как вдруг — ш-ш-шмяк! — перед ним, словно с небес, рухнули два темных комочка. Листья взметнулись вверх, и, прежде чем Том успел опомниться, перед ним выросли два могучих ежа. Их иглы были украшены ярко-красными узорами, а взгляды — тверды, как камень.

Том замер.

Потом медленно поднял голову.

На ветке над ним сидел третий ёж и смотрел на него с хитрой усмешкой.

«Вбины...» — пронеслось в голове у Тома.

Он сделал шаг вперед.

Два ежа в ответ синхронно двинулись навстречу, их тени легли на тропинку, удлиняясь в лучах заката.

Том остановился. Сердце колотилось где-то в горле.

«Как заговорить с ними? Поймут ли они его? Знают ли, что он из их деревни?»

Лес вокруг будто затих, ожидая, что будет дальше.

Тишину леса нарушили решительные шаги. Из-за деревьев вышел Управляющий, а рядом с ним — ещё два ежа.

Том замер.

Если первых троих воинов он считал крупными, то эти двое поразили его своей статью — их плечи были заметно шире, чем у обычных ежей, а иглы — плотнее и острее. Рядом с ними прежние стражи леса действительно казались менее внушительными.

Управляющий заметил Тома и медленно приблизился. Его взгляд был спокоен, но в глубине глаз читалась усталость от долгих раздумий.

— Я хочу участвовать в операции по спасению Ёси, — твёрдо сказал Том, подняв голову.

Управляющий перевёл его слова воинам. Те не засмеялись, не отмахнулись — лишь обменялись взглядами, а потом одобрительно кивнули.

— Нам не понадобится твоя помощь, — ответил Управляющий. — Они сами справятся. Ночью нападут на деревню и вырвут девочку из лап Красноухих.

Том нахмурился.

— Красноухие не глупы. Они усилят охрану, зная, что мы придём за сестрой.

Управляющий задумался, потом тихо вздохнул.

— Ты прав. Их надо брать хитростью, а не силой.

Том почувствовал, как в груди вспыхнула надежда.

— Я могу предложить план, — сказал он. — Скажите, что у вас есть чужак — молодой ёж, не из этих мест. И что вы готовы обменять меня на Ёсю.

Воин слева насторожился, а самый крупный из них прищурился.

— Красноухие знают, что у вас живёт чужеземец. Их шпионы наверняка уже доложили. Они согласятся на обмен — это их не насторожит.

Том сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Когда обмен состоится, и вы уведите Ёсю на безопасное расстояние... тогда можно будет атаковать. А я...

Он сжал лапки.

— Я очень быстро бегая. Я попытаюсь сбежать. Но...

Голос его дрогнул.

— Я должен быть уверен, что Ёсе уже ничего не угрожает.

Лес затаил дыхание. Даже ветер стих, будто прислушиваясь.

Потом Управляющий ухмыльнулся.

— Похоже, в наших рядах появился новый стратег.

Глава деревни развернулся к воинам и начал переводить предложение Ёжика, сопровождая слова выразительными жестами.

Генералы — а теперь Том понимал, что это были именно они — слушали внимательно. Их иглы то приподнимались, то опускались, выдавая интерес. Самый старший из них, чья шкура была испещрена боевыми шрамами, вдруг резко щёлкнул языком — явный знак одобрения.

— Решено, — объявил Управляющий, поворачиваясь к Тому. — Мы организуем засаду. Как только Ёсю отведут подальше от места обмена, наши воины набросятся на Красноухих. Это даст тебе шанс скрыться.

Том почувствовал, как по его спине пробежал холодок. План казался простым только на словах.

— Когда это произойдёт? — спросил он, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Завтра утром, после завтрака, — ответил Управляющий. — Красноухие всегда ослаблены в это время. А сейчас... — Он сделал знак одному из молодых ежей, — мы отправим гонца с предложением обмена.

Маленький курьер, весь покрытый пылью дорог, тут же выступил вперёд, получив последние наставления. Перед тем как исчезнуть в чаще, он бросил на Тома любопытный взгляд — в нём читалось что-то между восхищением и жалостью.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Управляющий, кладя лапу на плечо Тома. — Завтра важный день.

Том кивнул. Внезапно нахлынувшая усталость давила на веки, но в голове роились мысли. Он снова и снова прокручивал возможные варианты развития событий. А что, если Красноухие заподозрят ловушку? Если не станут ждать утра? Если...

— Не переживай, — словно прочитав его мысли, произнёс Управляющий. — Мы всё продумали.

Где-то вдали кричала сова, а ветер шелестел листьями, рассказывая древние лесные истории. Завтра всё решится. Завтра он увидит, стоит ли его храбрость жизни Ёси.

Том вернулся в деревню, где воздух был наполнен тревожным ожиданием. Солнце клонилось к закату, окрашивая деревянные домики в золотистые тона, но Ёжик не замечал красоты вечера. Он нервно шагал по центральной площади, то и дело поглядывая на тропу, откуда должен был появиться связной. Каждый шорох заставлял его вздрагивать, каждый шелест листьев казался шагами возвращающегося гонца.

Не в силах больше терзаться неизвестностью, Том вдруг вспомнил о Зосе. Он резко развернулся и зашагал к знакомому домику, где в окне виднелась одинокая фигурка.

Зося сидела на скамейке у окна, обхватив колени тонкими лапками. Её обычно яркие глаза были тусклыми и покрасневшими, а взгляд устало блуждал где-то в пустоте перед собой. Она даже не сразу заметила приближающегося Тома.

— Зося... — тихо позвал он, осторожно присаживаясь рядом.

Девочка вздрогнула и медленно повернула к нему голову. В её взгляде мелькнула искорка надежды, сразу же погашенная страхом нового разочарования.

Том бережно взял её лапку в свои:

— Завтра... Завтра Ёся будет дома. У нас есть план.

Он подробно рассказал обо всём — об обмене, о засаде, о своём побеге. С каждым его словом Зося преображалась. Слёзы снова выступили на её глазах, но теперь это были слёзы облегчения.

— Ты... ты правда согласился? — прошептала она. — Но это же опасно!

Том улыбнулся, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовал:

— Я быстро бегаяю, помнишь? А твоя сестра... она ведь тоже храбрая, правда? Мы справимся.

— Том, все же это смертельно опасно, — прошептала Зося, её голос дрожал, как осиновый лист на ветру. — Ты даже не представляешь, какие они — Красноухие.

Ёжик твёрдо выпрямил спину, и лунный свет серебристым бликом скользнул по его иглам.

— Моя быстрота — моя защита. У себя на родине я обгонял даже Зайку в наших гонках до старого дуба, — в его голосе звучала напускная бодрость, но лапки непроизвольно сжимались в кулачки.

Зося обхватила себя за плечи, будто внезапно почувствовала холод.

— Их сила... их жестокость... Они не просто охотятся на гусениц, Том. Их клыки точат именно ежиные иглы.

— Неужели... каннибалы? — Том невольно отшатнулся, его тень на стене совершила странный прыжок.

Тишину разорвал треск поленьев в очаге, и Зося начала рассказ, голос её звучал глухо, будто доносился из глубины веков:

— Давным-давно, когда деревья были моложе, а звёзды ярче, жили два народа. Синие ежи — мирные, мудрые, питавшиеся дарами земли. И... другие, — она замолчала, её глаза стали тёмными-тёмными. — Тех даже ежами назвать трудно. Чудовища с клыками, что разрывали плоть жертвы. Они верили, что кровь сородичей дарует им силу.

Луна скрылась за тучей, и комната погрузилась в полумрак. Только отсветы огня рисовали на стенах странные тени, похожие на древние ритуальные пляски.

— Синие посылали смельчаков — узнать их тайны. Красные же жаждали древней магии синих... — Зося провела лапкой по своей шкурке, где едва угадывался синеватый отлив. — Договоры нарушались. Невесты похищались. Кровь смешалась... И теперь в каждом из нас живёт эта древняя борьба.

Ветер завыл в трубе, словно вторя её словам. Где-то далеко закричала кукушка — предвестница беды. Том почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Он вдруг осознал, что завтра ему предстоит встретиться не просто с врагами — с древним проклятием этого леса.

— Опиши подробнее что произошло в те давние времена, — попросил Том.

— В те далекие времена мир ежей разделился на два племени, — начала свой рассказ Зося. — Племя Синих. Они жили в гармонии с природой, их иглы отливали лазурью в лучах заката, а глаза светились мудростью. Синие не убивали, не проливали кровь — они питались кореньями, сладкими ягодами и орехами, что дарила им земля. Их магия была тихой, как шелест листьев, но очень могущественной. Они знали язык ветра, понимали шёпот ручьёв и умели лечить раны целебными травами. Они знали «Песнь Мироздания» — древнее заклинание, способное успокоить даже разгневанные стихии.

Она замолчала, потом продолжила.

— Племя Красных. Их называли «Детьми Клыка и Когтя». Они не походили на ежей — их спины были покрыты не иглами, а острыми шипами, а из пасти торчали изогнутые клыки, глаза были маленькие и злобные. Они поклонялись Темному Зверю, чьё имя боялись произносить вслух. Их ритуалы были ужасны. Красные ежи верили, что мир держится на жертвенной крови. Их ритуалы происходили в глубоких пещерах, где стены были покрыты тёмными подтёками, а воздух пропитан запахом крови и страха. Они выбирали жертв тщательно:

слабых сородичей — тех, кто не мог драться,
пленников из других племён,
собственных детей, если шаман предсказывал беду.

Перед смертью жертву красили священной охрой и заставляли пить отвар из галлюциногенных грибов — чтобы её дух «открыл врата» между мирами. После обряда Красные наблюдали, как тени на стенах пещеры начинали двигаться. Они верили, что это боги-демоны приходят на пир. Когда тени замирали — считалось, что духи насытились. Только тогда сами ежи приступали к трапезе, поедая остатки — это называлось «Разделить пищу с богами».

Так они ели плоть убитых, особенно цenia мясо Синих — ведь считали, что так перенимают их магию и тайную силу.

Синие ежи направляли смельчаков в поселения злобных ежей, чтобы понять для каких целей они совершают жертвоприношения и пропитывают землю кровью убитых. А Красным было интересно понять жизнь Синих ежей, в чем заключается их удивительная магическая сила и как ей можно овладеть. Они заключили договор, что ученых, так называли воинов, которые вызвались жить среди чужого племени, они не трогают.

Какое-то время Красные соблюдали условия заключенного договора. Красным разрешили жить среди Синих и даже есть легенда, что те раскаялись в своих грехах и невежестве и остались жить в поселении Синих, хотя за предательство многих из них Красные покарали за неверность, отказ продолжать сотрудничать и передавать информацию Красным. Когда первые Красные переступили границу поселения Синих, они ожидали услышать проклятия, за то, что съели некоторых из их родных. Но вместо копий им протянули лапы. Вместо ненависти — тихие голоса, наполненные состраданием. Синие не просто разрешили им остаться — они: омыли их раны целебными росяными отварами, делились едой с добротой и участием, учили без упрёков, будто те были не врагами, а заблудшими детьми. Красные, привыкшие к жестокости, впервые ощутили тепло безусловной доброты. Красные, отказавшиеся от кровавых ритуалов, стали смывать с себя боевую раскраску. Даже их иглы, некогда тёмные, начали светлеть, а у некоторых даже проступил лёгкий синий отлив. Они с жадностью впитывали знания Синих: учились читать знаки природы, понимать язык трав и звёзд. Самые одарённые обнаружили, что их прежняя связь с тёмными духами обратилась в неожиданный дар — они чувствовали болезни сильнее других и умели их изгонять. Когда в лесу случилась Великая Засуха, именно бывшие Красные спасли поселение: бывший палач, Ржавый клак, некогда свирепый, нашёл подземный источник, ударив посохом в иссохшую землю. Шепот Теней, бывшая жрица, приготовила отвар из редких трав, который спас детей от лихорадки. Гнилой корень, когда-то приносивший жертвы, теперь гасил лесные пожары, направляя дождевые тучи.

По другую сторону Синие учёные свободно ходили между поселениями Красных, записывая свои наблюдения на кусочках берёсты. Но всё изменилось в ночь Кровавой Луны. Шаман Красных, старый еж с выцветшими иглами, объявил о страшном знамении: «Духи показали мне — сила Красных угасает! Только кровь мудрецов вернёт нам их благосклонность!». В ту же ночь: ворота поселения Красных тайно закрыли, на всех тропах расставили стражу с копьями. Синих учёных разбудили и под предлогом «срочного совета» повели к Жертвенной скале.

По узкой тропе, освещённой багровой луной, вели учёных Синих к месту, где чернел жуткий алтарь — плоский камень, испещрённый древними бороздами от тысяч кровавых ритуалов. Воздух гудел, будто сам лес затаил дыхание. Последний в цепи, мудрец Тихолист, шёпотом произнёс заклинание защиты. Его лапки едва касались земли — он знал, что если сердце Красных не дрогнет, у них есть последний выход. Шаман Красных, его некогда белые иглы теперь напоминали ржавые гвозди, поднял ритуальный нож: «Ваша кровь вернёт нам силу!». Первого учёного, юного Лунолиста, толкнули вперёд. Но когда лезвие коснулось его горла — произошло невозможное. Его тело засветилось изнутри, как фонарик из тончайшего пергамента. Кровь, которая должна была брызнуть на камень, превратилась в золотистую пыльцу и

осела на лицах Красных. «Вы действительно хотите этого?» — голос Лунолиста звучал сразу со всех сторон. — «Мы пришли дать вам знания, а не смерть». Стражи уронили копья — свет проникал им под кожу, вызывая странное тепло в груди. Шаман закричал, что это колдовство, но его голос потонул в нарастающем гуле ветра. Тихолист сделал шаг вперёд, его иглы теперь сияли, как мокрые от дождя листья на солнце. «Смотрите» — он протянул лапку к самому свирепому воину, — «в тебе тоже есть этот свет. Ты просто забыл». Красный еж замер. Где-то в глубине его сознания всплыло воспоминание: мать, поющая колыбельную, её тёплый поцелуй на лбу... Когда первые лучи солнца коснулись скалы, учёных Синих уже не было. «Они испарились!» — завопил шаман. Но на камне остались: россыпь синих ягод, которых не росли в тех краях, да нежные ростки мха, выстроившиеся в слово «сострадание». Следующей ночью трое стражей тайком ушли в лес, они поверили в силу Синих, и решили раскаяться в своих поступках в прошлом. А через луну в поселении Красных впервые за сто лет зацвел синий колокольчик — прямо посреди площади. Затем снова какое-то время племена Синих и Красных жили отдельно, но однажды Красные похитили юную невесту Синего вождя. Они не стали её убивать — вместо этого силой взяли в жёны своему предводителю, надеясь, что их дети унаследуют магическую кровь. Синие потребовали вернуть девушку, но Красные лишь рассмеялись в ответ. Тогда похищенная невеста воскликнула: «Ваши клыки обратятся против вас. Ваши дети будут рождаться слабыми. И однажды ваша же кровь вас погубит». Прошли годы. Красные, хоть и презирали Синих, тайно продолжали воровать их ежей, чтобы «улучшить» свою породу. Синие же, пытаясь защититься, переняли некоторые боевые техники у врагов. Постепенно чистых Красных и Синих почти не осталось.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, рисовал на полу причудливые узоры, напоминающие боевую раскраску старейших воинов. Том задумчиво провёл лапкой по своим иглам.

— Значит, у вас почитают тех, в ком сильнее проявляется природа Синих? — спросил он, всматриваясь в тени на стене.

Зося покачала головой, и лунные блики затанцевали на её колючках.

— Мы ценим оба проявления, — её голос звучал тихо, словно шелест опавших листьев. — Как не разделяют узор на животе — он цельный, хоть и состоит из множества линий. Красное и синее в нас переплетаются, как нити в ткани мироздания.

Том взглянул на свои лапки — обычные, сероватые, без намёка на древние отметины.

— Так в каждом из нас живёт наследие обоих племён?

— Возможно, есть и другие ветви, — Зося задумалась, её глаза стали тёмными, как лесные озёра в сумерках. — Но я их не встречала. Старейшины говорят, что в наших жилах течёт пять древних проявлений...

Её слова прервал шорох за окном. Сквозь окно Том разглядел высокую фигуру воина — его красная боевая раскраска казалась чёрной в приглушенном лунном свете. Воин озираясь, явно кого-то разыскивая.

Сердце Тома учащённо забилося. Он вышел во влажную ночную прохладу. Воин приблизился бесшумно, как тень.

— Завтра, после утреннего завтрака, будь готов, — его голос звучал глухо, словно доносился из-под земли. — Красноухие согласились.

Не добавив ни слова, воин растворился в темноте, оставив после себя лишь дуновение ветерка.

Обычно в это время деревня оживала — треск костра на площади, переливы дудочек, смех и топот танцующих. Но сегодня царила неестественная тишина. Даже огонь в центре площади не разожгли — впервые за много лун.

Том вернулся в дом. Завтрашний рассвет принесёт испытание, а сейчас... сейчас нужно было попытаться уснуть. Но как спать, когда в груди колотится сердце, а в ушах звучит голос судьбы?

Он улёгся в свой гамак, глядя, как лунная дорожка на полу медленно смещается, отсчитывая последние часы покоя. Где-то вдали завыл ветер — то ли предупреждение, то ли древняя песня предков, зовущая в неизвестность.

Глава 7. Провальная операция

*«Если бы вы знали, как редко нас понимают правильно, вы бы чаще молчали»
(приписывается И. В. Гёте)*

Том проснулся раньше обычного. Воздух в комнате был свежим и прозрачным, словно наполненным предрассветной тайной. За окном уже брезжил рассвет, окрашивая край неба в бледно-розовые тона. Сквозь сон он услышал смех и, выглянув в окошко, увидел двух молодых ежей с полотенцами через плечо, направляющихся к лесному пруду.

Не раздумывая, Том схватил свое полотенце — новое, в полосочку, — и выскочил вслед за ними.

Утренний пруд встретил его прохладным дыханием. Вода была холодной, будто впитала в себя всю ночную свежесть, заставляя Ёжика непроизвольно сморщиться, когда он умыл мордочку. По коже пробежали мурашки, но, видя как другие ежи с визгом и смехом прыгают с большого плоского камня в воду, Том почувствовал прилив храбрости.

Он глубоко вдохнул, зажмурился — и прыгнул.

Ледяные объятия воды сжали его со всех сторон, выбив из лёгких весь воздух. Но через мгновение тело привыкло, и Том вынырнул, фыркая и отряхиваясь. Чтобы согреться, он начал энергично тереть лапками бока и животик, смывая остатки раскраски. Вода вокруг окрасилась в синеватый оттенок, образуя причудливые разводы.

Выбравшись на берег, Том дрожал от холода. В этот момент, когда капли воды на его шкурке сверкали в первых лучах солнца, он почувствовал необычайную лёгкость и готовность к предстоящему дню. Он растирал полотенцем бока и иглы до тех пор, пока по телу не разлилось приятное тепло.

Вода в пруду успокоилась, лишь лёгкая рябь бежала по поверхности, стирая все следы их утреннего купания. Том вздохнул и потянулся, чувствуя, как каждая клеточка его тела наполнилась бодростью. Сегодня его ждало важное испытание, но после этого освежающего погружения он чувствовал себя готовым ко всему.

Тропинка от пруда постепенно заполнялась ежами, возвращавшимися после купания. Их мокрые иглы блестели на утреннем солнце, а следы лапок оставляли на земле темные отпечатки. Том шел среди них, чувствуя, как вода в его иголках постепенно высыхает, оставляя приятную прохладу.

Деревня уже пробуждалась к новому дню. На центральной площади начал собираться большой круг — ежи занимали свои места, готовясь к утренней зарядке. Том поспешил присоединиться, но сразу понял, что не может угнаться за слаженными движениями остальных. Даже самые пожилые ежи выполняли упражнения с такой легкостью и грацией, от которых у него сразу сбилось дыхание.

Перед началом практики сидения, о которой Том так и не успел расспросить, он огляделся в поисках Зоси, но ее не было видно среди собравшихся. Вместо этого его взгляд упал на знакомую фигуру Управляющего, сидевшего чуть в стороне.

Том подошел и осторожно опустился рядом, чувствуя, как трава мягко пружинит под его весом. Утренний воздух был наполнен ароматами пробуждающегося леса, а первые солнечные лучи уже начинали согревать землю. Он глубоко вдохнул, готовясь задать свои вопросы.

— Доброе утро, — сказал Том.

— Доброе утро, — ответил Управляющий, его глаза прищурены от утреннего солнца. — Пусть этот день принесет нам больше света, чем туч.

Том помолчал, наблюдая, как другие ежи замирают в странной неподвижности после зарядки.

— Скажите... — он колебался, — что вы все делаете, когда так тихо сидите?

Управляющий улыбнулся, и в морщинках вокруг его глаз заплясали солнечные зайчики.

— Когда я был чуть младше тебя, я тоже задался этим вопросом, — задумчиво ответил он. — Тогда я подошел к пожилому соседу, что жил справа от нашего дома, и задал ему этот вопрос. Он ткнул меня лапой в грудь и ответил: «Иди вглубь себя». Сказав это, он глубоко-мысленно посмотрел на меня и больше ничего не добавил. Я некоторое время поразмышлял над его словами и решил обратиться к соседу, который жил слева от нас. Он ответил на мой вопрос так: «Иди наружу себя, ведь ты там по-настоящему никогда еще не был».

Управляющий рассмеялся — звук был похож на журчание ручья по камням. Затем замер, его спина выпрямилась, а взгляд устремился куда-то за горизонт, где утренний туман цеплялся за верхушки деревьев.

Том сидел, сбитый с толку, его иглы едва заметно подрагивали от недоумения. Он переводил взгляд с замершего Управляющего на других ежей, которые, казалось, пребывали в каком-то непостижимом для него состоянии.

Наконец, не выдержав, он наклонился к Управляющему и прошептал:

— Но... что же мне всё-таки делать?

Управляющий оживился. Его глаза блеснули озорным огоньком, когда он приложил лапу к мордочке, как заговорщик, и наклонился к Тому:

— Ничего не делай, — прошептал он, и его усмешка стала шире, когда он увидел выражение мордочки Тома.

С этими словами он снова выпрямил спину, сложил лапы на коленях и замер, будто превратился в изваяние из дерева. Только лёгкое дыхание выдавало, что он всё ещё здесь.

Том выпрямил спину, стараясь копировать позу Управляющего. Но мысли в его голове кружились, как осенние листья на ветру. «Как это — ничего не делать?» — размышлял он. «Ничего не делая можно было бы лежать в кровати, укрывшись теплым одеялом. А тут вставать до рассвета, садиться всей деревней вместе и ничего не делать?».

Его иглы едва заметно дрожали — то ли от утренней прохлады, то ли от внутреннего напряжения. Вчерашние события всплывали в памяти: тревожные разговоры, планы спасения, страх и надежда, переплетённые в один плотный клубок. «А что, если всё пойдёт не так? Если Красноухие почувствуют подвох? Если...»

Когда практика завершилась, ежи начали медленно расходиться. Управляющий повернулся к Тому, и в его взгляде светилась мягкая теплота.

Управляющий произнёс задумчиво:

«Открытость и закрытость —
Как век мигнувших глаз.
Внешнее, внутреннее —
Два берега у нас.

Звук тает в тишине,
Движенье — в пустоте...
Как две половинки дня
На тонком острие».

Его слова повисли в воздухе, словно осенняя паутинка, ловящая последние лучи солнца. Том нахмурился — он не понимал, обращается ли к нему Управляющий или просто размышляет вслух, складывая слова в странные, похожие на стихи, узоры.

Но мысли Ёжика были далеко от этих загадочных фраз. Его тревожило другое — как можно оставаться таким спокойным, когда Ёся всё ещё в лапах Красноухих? Разве не должны все в деревне ходить с поникшими головами, пока она не вернётся? Это молчаливое принятие казалось ему почти предательством.

Он сжал лапки, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна непонимания. Разве можно просто сидеть и сочинять стихи, когда кто-то страдает?

Управляющий поднялся, отряхнул лапы и обвёл Тома тёплым, чуть грустным взглядом.
— Ну что, — сказал он просто, — в бой?

Он выпрямился во весь рост, и солнечный луч скользнул по его элегантной шкурке.

— Идём за мной. Сначала к повару — подкрепишься как следует. А потом... — он сделал паузу, — потом отправимся к Красноухим сдавать тебя.

Том кивнул, но в голове тут же зародились колючие мысли. «А если это ловушка? Если они передумали воевать и просто решили обменять его, как мешок кореньев, на родственницу? Красноухим ведь нужны были норы перед зимой... А когда норы будут готовы — что может помешать им перекусить строителями?»

Он сжал лапки, чувствуя, как под колючками пробегает холодок. Но тут же выпрямился. Нет. Он сделал свой выбор. Что бы ни ждало впереди — он готов. Даже если этот путь ведёт в самое логово врага.

Тень от облака скользнула по земле, когда они зашагали к поварской — первый шаг к сегодняшнему испытанию.

Управляющий провёл Тома в уютную столовую, где пахло травами и тёплым хлебом. За деревянной стойкой возился круглый ёж в белоснежном колпаке. Перед ним рядами стояли чашечки с яркими ингредиентами — будто палитра художника.

— Накорми нашего смельчака чем-нибудь сытным, — попросил Управляющий.

Повар кивнул и ловко принялся за дело. Сначала он насыпал в миску блестящих личинок, поверх уложил нежные салатные листья, щедро полил всё ароматным соусом, присыпал специями и, завершив композицию цветочным узором, протянул блюдо Тому.

Том непроизвольно сморщил носик.

Управляющий и повар переглянулись — и оба улыбнулись.

— Ладно, ладно, — засмеялся повар, отставляя миску в сторону.

Он взял новую тарелку. На этот раз наполнил её хрустящими листьями, рассыпчатыми орешками, нежными корешками, сдобрил всё золотистым медовым соусом и украсил алыми дольками помидоров. Жёлтые перцы в его ловких лапках превратились в солнечные цветы.

Заметив вопросительный взгляд повара, Том кивнул на специи. Но когда ёж потянулся к чашке с разноцветными гусеницами, Том замахал лапками так отчаянно, что оба старших ежа расхохотались.

— Как скажешь, — ухмыльнулся повар, убирая гусениц обратно.

Том, краснея, взял тарелку и направился к свободному столу. А за его спиной ещё долго звучал тёплый смех двух друзей, будто они разделяли какую-то особую шутку.

— Как обычно? — спросил Повар, вытирая лапы о передник.

Управляющий молча кивнул. Ловкими движениями Повар приготовил ему привычное блюдо — свежие побеги с лесными орехами, приправленные душистыми травами.

Когда последний посетитель получил свою порцию, Повар облокотился на прилавок, с удовольствием принялся есть тот самый салат с личинками, от которого отказался Том.

Тому вспомнились слова дедушки Зоси: «И поваром тебе тоже не быть».

— Не любишь гусениц и личинок? — спросил Управляющий, устраиваясь рядом с Томом.

Том помотал головой:

— С детства.

— А моя дочка... — глаза Управляющего потеплели, — она обожает гусениц и бабочек. Поэтому-то их и не ест.

Он рассмеялся над своей остроумной шуткой, наблюдая, как Том с любопытством заглядывает в его тарелку.

— Вижу, вы тоже не фанат гусениц на завтрак?

— Верно, — согласился Управляющий, — не особо. Но если есть больше нечего... — Он пожал плечами. — Без зазрения совести похрумкаю жучком или улиткой. Я не привередлив — голодным не останусь.

Они доедали свои блюда в тишине. Том украдкой наблюдал за Управляющим — сегодня тот казался удивительно легким, почти беззаботным. Совсем не таким, каким запомнился в первые дни.

Раньше, встречая его на главной площади, Том видел лишь строгого вождя — сосредоточенного, с непроницаемым взглядом, размеренно обходящего владения. Казалось, этот ёж носил маску серьезности как вторую шкуру.

А сейчас... Сейчас в уголках его глаз собирались смешинки, готовые в любой момент превратиться в добрый смех.

Том задумался — может, истинный характер проявляется именно перед испытаниями? Когда уже нечего скрывать, и остается только быть собой.

Он допил свой травяной чай, наблюдая, как последние крошки на тарелке Управляющего складываются в причудливый узор — будто карта предстоящего пути.

— Ну что? Ты готов? — спросил Управляющий, отодвигая свою пустую тарелку.

Том молча кивнул в ответ.

Когда они вышли из столовой на залитую утренним солнцем улицу, Управляющий вдруг остановился:

— Только один момент...

К ним стремительно подбежал молодой еж с баночками краски в лапках. Его иглы были испачканы краской.

— Нам некогда, — сказал Управляющий, — поэтому давай что-нибудь быстрое, но достойное.

Он раскинул лапы в стороны, выпятив вперед свой округлый животик, приняв торжественную позу. Художник тут же принялся за работу — его кисть ловко выводила изящные изгибы линий, которые тут же превращались в цветущие ветви, горные вершины и парящих птиц.

Закончив, художник почтительно отступил, пятясь назад. Служащие бросились к Управляющему с опахалами, но тот лишь отмахнулся:

— На ветру обсохну.

Теперь, украшенный великолепной росписью, Управляющий снова выглядел подобающе серьезным. Он гордо вскинул подбородок, его иглы переливались на солнце. Твердым шагом он двинулся вперед, жестом подзывая Тома следовать за ним.

Они покидали деревню, но направлялись не в ту сторону, где вчера Том встретил воинов, а по другой, менее знакомой тропе. Утренний ветерок уже начинал сушить свежую краску на боках Управляющего, а солнечные лучи играли в завитках росписи, делая их будто живыми.

В лесной чаще их уже ждал отряд воинов. Управляющий обменялся с ними несколькими тихими фразами, после чего повернулся к Тому. Его голос прозвучал неожиданно торжественно:

— Мир не забудет твоей отваги. Вперёд. Ты молодец. Я горжусь тобой.

Том стоял, опустив взгляд. Подняв глаза, он ожидал увидеть в глазах Управляющего знакомый весёлый блеск, но встретил глубокую серьёзность.

Повернувшись к воинам, Том увидел, что часть отряда уже растворилась в зелёной чаще. Два ежа в красной боевой раскраске сделали ему знак следовать за ними по узкой тропинке, ведущей к лагерю Красноухих — туда, где в свою очередь должны были вывести им навстречу молодую Ёсю.

Последний раз обернувшись, Том увидел Управляющего — одинокую неподвижную фигуру среди трепещущих листьев. Лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь кружево листвы, оживляли роспись на его груди: горделивые птицы, написанные мастерски, казалось, шевелили перьями в золотистом свете. На миг Тому почудилось, что крылатые создания вот-вот сорвутся с его шкуры и улетят в высь, унося с собой частицу их прощания.

Тень от пробежавшего облака скользнула по поляне, и видение рассеялось. Но образ этот — гордый ёж с живыми картинками на груди, застывший на границе света и тени — навсегда врезался в память Тома. Впереди его ждали опасности, но этот миг тихого величия стал для него тайным оберегом.

Через некоторое время, когда деревня осталась далеко позади, впереди показались четверо Красноухих. В центре их группы шла Ёся — её передние лапки были стянуты грубой верёвкой, конец которой держал самый крупный из конвоиров.

Том с удивлением отметил, что Ёся выглядела спокойной. Она шагала твёрдо, с высоко поднятой головой, будто это была не пленница среди врагов, а принцесса в окружении нерадивой стражи.

Когда отряды сблизились, Том смог разглядеть Красноухих вблизи. Их шкуры были темнее, почти черными, в отличие от сородичей Ёси из деревни. Маленькие, словно бусинки, глаза смотрели с холодной жестокостью. Острые клыки, хоть и не такие огромные, как у предков, всё же выдавали хищную природу. Иглы покрыты липким налётом, будто их никогда не касалась вода.

«Наверное, они и вправду не знают, что такое утреннее купание в пруду», — мелькнуло у Тома в голове.

Красные кончики ушей (оказалось, прозвище было вполне буквальным) ярко выделялись на фоне грязноватой шерсти. В целом вид у них был отталкивающий — Том не выдержал и отвел взгляд.

Красноухие тем временем оценивающе разглядывали Тома, явно довольные, что на нём нет нелепой раскраски. Их шпионы уже доложили о чужеземце, говорящем на странном языке в Деревне Цветных (так с презрением называли Красноухие поселение Управляющего). Для них он представлял ценность не только как рабочая сила — их вождь приказал заполучить его любой ценой. И теперь Том, этот загадочный пришелец, должен был перейти под их контроль.

Один из конвоиров грубо толкнул Ёсю вперёд, одновременно делая шаг навстречу Тому. Обмен должен был состояться здесь и сейчас, на этой узкой тропе между двумя мирами.

Воины деревни Ёси твёрдо стояли на своём — сначала Ёся, потом Тома. Красноухие, поскрипывая клыками, нехотя согласились. Верёвка развязалась, и Ёся свободно перешла на сторону своих. Один из воинов мягко подтолкнул Тома вперёд — пора.

Для Тома всё происходило словно в туманном сне:

Грубые лапы Красноухих обвивали его лапки верёвкой. Последний взгляд через плечо: Ёся исчезает в зелёной чаще с сородичами.

Резкий рывок верёвки вернул Тома в реальность. Теперь он принадлежал им.

Красноухие перешёптывались, скалясь в усмешках о том, что Цветные сами вручили им диковинку, какие глупцы.

Они уже строили планы:

Продолжать набеги — один пленник не заменит десятков рабочих лап.

Изучить пришельца — их вождь чуял в Томе что-то особенное.

Развлечься — некоторые уже слюнявили клыки, представляя «воспитательные» методы.

Тропа вела в чащу, где воздух становился гуще, а свет едва пробивался сквозь переплетённые ветви. Верёвка впивалась в кожу, но Том шагал, не сопротивляясь — пока.

«Главное, что Ёся свободна...».

Тишина стояла гулкая, будто сам лес затаил дыхание. Красноухие вели Тома не прямой дорогой к своему лагерю, а замысловатыми обходными путями. Ёжик сразу понял их тактику — они опасались возможной засады.

Отчаяние сжало сердце Тома. Все планы рухнули — если западня и была приготовлена, то явно не здесь, не на этих бесконечных окольных тропках. Связанные передние лапки лишали его возможности сопротивляться, а на одних задних далеко не убежишь.

Они шли казалось уже больше часа, петляя среди зарослей. То выходили на едва заметные тропинки, то снова ныряли в непролазную чащу. Лес шумел над головой, но среди этого зелёного моря Том так и не смог разглядеть ни одного знакомого силуэта — ни блеска синей-красной раскраски, ни мелькнувшей между деревьями тени воинов.

С каждым шагом Том терял ориентацию. Даже если бы помощь пришла сейчас, он не знал бы, куда бежать. Все тропы сливались в одну бесконечную дорогу в никуда, а лагерь Красноухих, казалось, был лишь миражом, который они никогда не достигнут.

Когда они проходили под раскидистыми ветвями старого дерева, воздух внезапно разрезал пронзительный свист. Сверху, словно шипастые плоды, посыпались ежи-воины в синей-красной раскраске. Сердце Тома радостно ёкнуло.

Один из воинов молнией метнулся к Тому — лезвие блеснуло, и верёвка, впившаяся в лапки, разомкнулась. Сильный толчок в бок вытолкнул его из кольца ошарашенных Красноухих.

Те опомнились не сразу. Тот, кто вёл Тома, уже рухнул под чужим ударом, но перед падением успел вонзить клыки в заднюю лапу Тома. По телу волной прокатилась пронзительная, обжигающая боль, вырывая из горла непроизвольный крик.

Вокруг царил хаос. Иглы двух племен перемешались в яростной схватке. Клубы пыли поднимались от стремительных движений. Нельзя было понять, чья возьмёт.

В голове чётко вспыхнуло: «Бежать!».

И он побежал. Прихрамывая, отчаянно волоча раненую лапу и оставляя на земле прерывистую цепочку кровавых капель. Боль отступила перед опасностью, и хотя каждый прыжок давался через силу, страх придавал крылья. За спиной слышались крики и хруст столкнувшихся зубов и игл, но Том уже не различал их. Он стремительно удалялся от места битвы, не останавливаясь, не оглядываясь — только вперёд, только подальше от того места, где звенели клыки и иглы. Его сердце колотилось так громко, что, казалось, заглушало все звуки леса.

Вдруг нос уловил знакомый запах — ежи! Он резко свернул в сторону, и через несколько прыжков перед ним открылась поляна с невысокими домиками. Не раздумывая, Том рванул вперёд, но силы внезапно оставили его. Он споткнулся и рухнул на землю, проехавшись брюхом по пыльной площади.

И тут его охватил ужас: «А вдруг это не та деревня? Что, если он по ошибке ворвался прямо в логово врагов?»

Он медленно поднял голову, дрожа от страха, и увидел выбегающих на площадь ежей. Среди них — круглого Повара, но без белого колпака.

Том был дома.

Ёжик опустил голову на землю и закрыл глаза. Боль в лапе, пыль на мордочке, сбитое дыхание — всё это теперь не имело значения. Он сделал это. Он сбежал.

Том приподнялся, с трудом переводя дыхание. Его грудь вздымалась тяжело и прерывисто, будто в легких не хватало воздуха после долгого бега. Лапа, из которой сочилась кровь, онемела и висела как плеть, а голова кружилась так сильно, что мир вокруг плыл перед глазами. Еще немного — и он мог потерять сознание.

К нему подошел Управляющий.

— Ёся спасена... — прошептал Том, но тут же замер, заметив бледность и потухший взгляд Главы деревни. — Что случилось?

Управляющий упал перед ним на колени, словно обессилев.

— Ёсю снова похитили. — Его голос дрогнул. — Красноухие устроили засаду... Когда воины вели ее в деревню, на них напали. Теперь они требуют за нее троих наших...

Тяжелая тишина повисла между ними. Затем Том рухнул мордочкой в песок, и громкие, надрывные рыдания вырвались наружу. Всё, что они сделали, оказалось напрасным — ситуация только ухудшилась. Теперь у него перебита лапа, неизвестно, сможет ли он вообще нормально ходить, а выкуп за Ёсю вырос втрое.

Управляющий мягко положил лапу на его голову, пытаясь успокоить. Вокруг уже собрались жители деревни — их глаза были полны грусти, когда они смотрели на рыдающего Ёжика.

И вдруг Том вскочил. Резкая боль пронзила раненую лапу, заставив его вскрикнуть, но он не сдался. Перепрыгнув на здоровую ногу, он поднял правую лапу вверх, сжав её в кулак, и крикнул так, что его голос зарычал на всю площадь:

— Мы отомстим! Мы не оставим это так! Ёся будет спасена — она не останется жить среди этих кровопийц!

Его слова повисли в воздухе, наполненные яростью и решимостью.

Из тени деревьев на поляну медленно вышел дедушка Зодя. Его мудрые глаза, полные сочувствия, остановились на Томе.

— Мы не знаем, что делать, — тихо признался Управляющий, опустив голову. — Когда Красноухие узнают о твоём побеге, беды не избежать.

— Вы хотите сказать, у вас нет плана? — Том резко поднял взгляд, и в его глазах вспыхнул холодный огонь.

— Мы сделали всё, что могли. Но попробуем собрать силы для нападения на их лагерь.

Дедушка Зодя покачал головой, его голос звучал как шелест старых листьев:

— Если нападёте — беды точно не миновать. Сколько наших воинов погибнет? Границы деревни ослабнут. Дети останутся без отцов, матери — без сыновей...

— Я не знаю, что делать, — честно прошептал Управляющий.

— Если попытаетесь спасти Ёсю... — начал было старый ёж.

— «Если»? — резко перебил Том. — Разве есть другие варианты?

— Иногда нужно пройти через неприятность, чтобы увидеть скрытую сторону. Ёся — девочка смелая и добрая. Какой бы ни был исход, она извлечёт урок...

— Какие ещё уроки? — Том сжал кулаки. — Я готов лично разобраться с этими Красноухими. Они не имеют права существовать! Это воплощение зла, которое нужно искоренить!

— Разве в мире есть что-то, что нужно искоренять? — спросил дедушка Зодя спокойно. — Зачем тогда природа это создала?

— Не пытайтесь меня запутать своими словами!

— О чём спорить, — вздохнул Управляющий, — плана у нас нет.

— У вас нет. А у меня есть. — Том говорил резко, его голос дрожал от ярости. — Мы сами выкрадем троих их мирных жителей и обменяем на Ёсю. Не согласятся — будем отлавливать по одному каждый день. Пусть боятся выходить в лес. Их правителям всё равно придётся отдать нам Ёсю. А свои норы пусть роют сами. Теперь это они будут дрожать от страха!

Последние слова повисли в воздухе, острые как иглы. Даже Управляющий вздрогнул от такой ярости. А дедушка Зодя только грустно покачал головой, словно видел что-то, что остальным было не разглядеть.

— Между карающим и воздающим плоды поступков есть большая разница, — проговорил дедушка Зодя. — Прежде чем действовать, нужно понять законы, по которым живёт деревня Красноухих.

Том резко дёрнул головой:

— Зачем нам их правила? Пусть живут как хотят, лишь бы нас не трогали!

— Гнев ослепил тебя, — покачал головой старый ёж.

— Том прав, — неожиданно вступил Управляющий. — Его план обеспечит безопасность нашим. Никто из наших больше не пострадает.

— Но пострадают другие, — тихо возразил старый ёж.

— Закроем на это глаза, — махнул лапой Управляющий. — Они сами вынудили нас.

— Кто именно «они»? — прищурился старец. — Неужели мирные жители отвечают за решения своих вождей?

— Отвечают, — твёрдо сказал Управляющий.

— Значит, и мы все отвечаем за твои решения?

Наступила тишина. Управляющий опустил взгляд.

— Да... Вы отвечаете за мои решения, как и я — за ваши. Если я ошибаюсь, а вы молчите — вина ложится на всех.

— Я против плана Тома, — чётко произнёс дедушка Зодя.

— Но других вариантов нет! — всплеснул лапами Управляющий. — Времени на раздумья не осталось.

— Тогда действуем по-моему, — перебил Том.

Толпа одобительно зашумела.

Когда площадь опустела, остались лишь два старых ежа. Дедушка Гог грустно вздохнул:

— Странно... Впервые за много лет старейшину не послушали. Никто даже не попытался взглянуть на ситуацию иначе.

Дедушка Зодя кивнул, глядя в след уходящим:

— Остаётся надеяться, что сердце Тома откроется. Он молод, но уже ведёт за собой других... Пока не понимая истинной цены своим решениям.

— Плоды их выбора созреют, — вдохнул дедушка Гог, — как и последствия поступков Красноухих.

— Ты прав, — согласился дедушка Зодя. — Впервые они не спросили совета у старейшин...

Два седых ежа сидели на опустевшей площади, а первые звёзды зажигались над их головами — немые свидетели того, как рождаются последствия.

Тома проводили в просторный домик Управляющего, где супруга Главы тут же отправила дочь за лекарем. Пока врач аккуратно перевязывал окровавленную лапку, пропитывая повязку целебными травами, Управляющий поделился тревожной вестью:

— Наш тайный информатор — бывший воин Красноухих, что перешёл на нашу сторону — передал важное сообщение.

В комнате воцарилась напряжённая тишина. Все присутствующие переглянулись.

— Правители Красноухих хотят заполучить тебя, Том, — продолжил Управляющий, понизив голос. — Они убеждены, что ты можешь обладать... особыми способностями. Если это так — они попытаются вывести твои секреты. Если нет...

Он сделал паузу, и в тишине явственно прозвучало недоговоренное.

— ...Тогда ты станешь жертвенным угощением как деликатес для их тёмных духов. Их вожди горят желанием узнать, каков чужеземец на вкус.

Том почувствовал, как кровь отливает от мордочки. Никакими магическими дарами он не обладал — значит, в случае пленения его ждала лишь участь жертвы.

— Отныне Том не должен появляться за пределами деревни без охраны, — решительно заявил один из советников.

Остальные единодушно поддержали.

— Благодарю за заботу, — тихо сказал Том, глядя на перевязанную лапу. — И за спасение сегодня. — Он попытался улыбнуться, но получилось лишь подобие улыбки. — Впрочем, с такой раной мне всё равно далеко не уйти.

За окном сгущались сумерки, отбрасывая длинные тени по стенам комнаты. Врач закончил перевязку, но ощущение, будто невидимые путы уже опутали Тома, не исчезало. Красноухие не оставят своих попыток — это было ясно как день. А значит, нынешнее затишье — лишь передышка перед новым витком противостояния.

После ухода врача и остальных жителей в доме Управляющего воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в очаге. Том, всё ещё бледный от потери крови, пристроился на мягкой подстилке, но его ум продолжал работать.

— Этот шпион... — начал он, прищурившись. — Он ведь предатель, да?

Управляющий, разливавший травяной чай, замер на мгновение:

— Мы называем это иначе. Он выбрал путь истины, осознав невежество своих собратьев.

— Но ведь он предал своих, — настаивал Том, ощущая, как голова снова начинает кружиться. — Разве можно доверять тому, кто однажды уже изменил?

Пламя в очаге отражалось в глазах Управляющего, когда он отвечал:

— Мы верим, что, встав на путь добра, он уже не свернёт с него.

— Ваше «добро» выглядит подозрительно, — хмыкнул Том, с трудом поднимаясь повыше. — Вы манипулируете живыми существами, заставляя их предавать своих, а потом называете это прозрением. Где тут добро, а где — просто ваша выгода?

К удивлению Тома, Управляющий рассмеялся:

— Вот почему ты мне сразу понравился! Ты тут новичок, а видишь суть.

— Суть в том, — Том сглотнул, чувствуя, как слабость снова накатывает, — что сегодня вы «раскрыли глаза» этому ежу, а завтра кто-то сделает то же самое с вашими соплеменниками. Где гарантия?

Управляющий поставил перед Томом чашку с дымящимся чаем:

— Забавно. Ты сейчас рассуждаешь о зыбкости границ добра, но полчаса назад даже слушать не хотел дедушку Зодю, который пытался сказать тебе то же самое. — Он грустно улыбнулся. — Мы все слышим лишь то, что хотим услышать.

Тени от огня танцевали по стенам, удлинняясь и укорачиваясь, будто подчёркивая, как относительна любая правда. Том отхлебнул горьковатого чая, чувствуя, как тепло разливается по телу. Спор был исчерпан, но вопросы остались — висящие в воздухе, как дым от очага.

За окном уже полностью стемнело, и только луна, выглянув из-за туч, осветила два силуэта в доме — молодого ежа с перевязанной лапой и правителя ежиной деревушки.

Глава 8. Есть ли выход?

«Если есть средство решить проблему — зачем беспокоиться?
Если нет средства — зачем беспокоиться?»
— Шантидева, Бодхичарья-аватара

— Иглы от беспокойства не отрастут быстрее, — сказал Тодя, ступая на скрипучие доски веранды, где Том сидел, свесив перевязанную лапку. — Болит? — спросил он, указывая на повязку.

Том, не ответив, перевёл разговор:

— Ты понял, что имел в виду дедушка Зодя? Про разницу между карающим и воздающим плоды?

Тодя задумался, медленно подбирая слова на языке, который едва начал вспоминать:

— Может... сначала предупредить Красноухих? Сказать, что мы идём против их требований... Если не отдадут Ёсю добровольно — тогда будем действовать.

Том насторожил уши:

— То есть заранее сообщить, что будем отлавливать их жителей? Это же раскроет весь план! На войне так не делают.

— Дадим шанс одуматься, — упрямо сказал Тодя. — Если откажут — значит согласны на последствия. Тогда удар будет справедливым.

Том почесал мордочку:

— Управляющему это не понравится. Он, возможно, как и я, предпочитает внезапность. Но... благородный подход имеет смысл.

Тодя уже спрыгивал с веранды, когда обернулся:

— Скажу, что это твоя идея. Ко мне он не прислушается, а твои слова для него вес имеют.

Солнечный луч скользнул по его иглам, когда он зашагал к дому Управляющего. Том остался один, глядя, как ветер шевелит листья на ближайшем кусте — будто сам лес задумался над правильностью их решения.

А перевязанная лапка по-прежнему ныла, напоминая, что за каждое действие придётся нести ответственность. Как и советовал дедушка Зодя. Как же невыносимо было ощущать себя прикованным к одному месту! Только теперь он по-настоящему понимал, какое это счастье — свободно бегать, куда захочется.

Зато появилась возможность изучить жизнь деревни изнутри, понять её уклад. Солнце уже поднялось высоко, а он ещё не нанёс на свои иглы традиционный рисунок. Решив исправить это, Том выбрался на улицу.

Большинство ежей уже разошлись по своим делам, но на площади ещё оставались те, кто посвящал утро художественному ритуалу — они терпеливо разрисовывали друг друга, создавая на животиках замысловатые узоры. Тени от высоких деревьев лениво ползли по земле, а воздух был наполнен ароматом травяного чая, краски и свежееиспечённого хлеба.

Том пристроился в тени, наблюдая, как ловкие лапки художников выводят плавные линии. Сегодня эти рисунки казались ему не просто украшением, а чем-то большим — может быть, способом выразить то, для чего не хватает слов.

Он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время действительно смотрит вокруг, а не мчитесь куда-то сломя голову. Даже боль в лапке теперь воспринималась иначе — не как препятствие, а как повод остановиться и увидеть то, что раньше оставалось незамеченным.

К Тому весело подпрыгивая подбежал Малыш-Феня, размахивая мокрой кисточкой. Его блестящие глазёнки умоляюще смотрели на Ёжика — он с утра бегал за взрослыми, но никто не разрешал маленькому художнику оставить свои рисунки на их животах.

Тому было всё равно, как он будет выглядеть, поэтому он добродушно кивнул.

Малыш радостно подскочил с кистью, с которой капала красная краска, но Том мягко остановил его, указав на соседнюю баночку с синей.

Феня послушно окунул свою кисть в синюю краску соседа — взрослого ежа, уже закончившего свой рисунок и теперь спокойно беседующего с другом. Неуклюжими движениями Малыш начал разрисовывать Тома. Получались неаккуратные сине-красные разводы, но юному художнику они казались шедеврами. Прикусив язычок от усердия, он с важным видом добавлял новые мазки, периодически отходя в сторону, как это делали настоящие мастера, чтобы оценить композицию.

Закончив, Малыш с торжеством поставил жирный кружок на животе Тома, восхищённо осмотрел своё творение, затем швырнул кисть в банку соседа и с радостным визгом помчался к детской площадке, где уже резвились другие малыши.

Том лениво осмотрел свой необычный раскрас — хаотичные сине-красные разводы, будто отражавшие его внутреннее состояние. Вчера он проявил ярость и решимость Красных, а сегодня носил на себе их отпечаток, смешавшийся с синим цветом. Феня, как будто не случайно, подбежал к нему со своей красной краской на кисти. Том подумал, было ли это случайностью или Малыш-Феня, видевший вчерашнюю ярость Тома, поступил так осознанно.

Пока он шел через площадь, многие ежи с удивлением поглядывали на его странный раскрас. Тому вдруг стало любопытно: может, это не просто детские каракули, а знак судьбы?

Он нашёл Родю за родительским домом, где тот усердно плел новый гамак из прочных растительных волокон. Том пристроился рядом, как раз в этот момент вернулся Тодя от Управляющего, бросив взгляд на необычный рисунок друга.

— Глава согласился, хотя и неохотно, — сообщил Тодя, — но сказал, что если Красноухие не отдадут Ёсю через три дня... — он многозначительно посмотрел на сине-красные разводы на Томе, — мы перейдём к твоему плану.

Братья принялись учить Тома премудростям плетения. Его лапки никак не хотели запоминать правильную последовательность узлов.

— Вот так, — терпеливо показывал Родя, — пропускаешь под двумя нитями, потом наверх, и затягиваешь не сильно...

Тодя молча поправлял неудачные узлы Тома, когда тот отвлекался.

Солнце, опускаясь, играло на его разноцветных иглах, соединяя два древних начала в причудливом танце света и тени. Несмотря на неудачи, Тому нравилось спокойное занятие плетения гамака. Впервые за долгое время он чувствовал себя не чужим, а частью чего-то большого и важного — этой простой деревенской жизни, где даже плетение гамака могло быть целым искусством. Может быть, дедушка Зодя был прав — в этом мире нет ничего, что нужно просто искоренить. Даже в самом гневе есть своя правда, как и в этих детских каракулях, смешавших две враждующие крови на его шкурке.

...Три дня прошли в тщетном ожидании. Красноухие, получив предупреждение, лишь усмехнулись в ответ и не отпустили Ёсю. Тогда воины деревни Цветных вышли на охоту — но в первый день не смогли поймать ни одного ежа.

Управляющий хмуро бродил по деревне, его обычно аккуратная роспись начала осыпаться по краям от беспокойства. Красноухие будто растворились в лесу — их мирные жители теперь редко покидали поселение, а если и выходили, то только большими группами.

К вечеру третьего дня пришла тревожная весть: по дороге в соседнюю деревню пропали две ежихи, направлявшиеся на праздник. Их следы обрывались у старого дуба, где земля была утоптана множеством лап.

В тот же вечер на собрании приняли решение:

ежикам и ежатам запрещено отдаляться от деревни,
выход за пределы — только в сопровождении воинов,
праздник в соседней деревне отменялся.

Том, слушая это, невольно трогал свою заживающую лапу. А в глубине леса, куда не доходили лучи закатного солнца, Красноухие наверняка уже праздновали свою маленькую победу. Но война только начиналась.

На четвертый день воинам деревни Цветных наконец удалось захватить двух Красноухих, работавших на дальнем поле. А к исходу пятого дня в плен попал еще один — ученый из лагеря противников. Этот еж оказал особенно яростное сопротивление. В отчаянии он даже попытался нанести себе смертельную рану, но воины успели перехватить его лапы, крепко связали и доставили в деревню.

Теперь счет сравнялся — по три пленника с каждой стороны. То, что одни воспринимали как справедливое возмездие, для других могло стать новым поводом для мести.

Пленников поместили в небольшой домик, больше похожий на землянку. Единственное окно перекрыли прочной решеткой из ивовых прутьев, сплетенных настолько плотно, что даже мышь не смогла бы проскользнуть.

Местные жители с любопытством подходили к окошку, заглядывая внутрь. Детеныши толпились у решетки, широко раскрыв глаза. Взрослые старались казаться равнодушными, но

украдкой бросали взгляды на необычных пленников. Старейшины наблюдали издали, покачивая головами — в их взглядах читалась глубокая озабоченность.

После бурного сопротивления Красноухие словно смирились со своей участью. Они сидели тихо, свернувшись в углу, никогда не просили еды или воды.

Тому рассказали, что эти молчаливые фигуры за решеткой были совсем не похожи на кровожадных монстров, какими их описывали. Где же та ярость, о которой все говорили? Или они просто копили силы, выжидая момент?

Том подошел к землянке с пленниками и заглянул в зарешеченное окно. В полумраке три темные фигуры сидели неподвижно, свернувшись в углах, как три каменных изваяния. Двое прижались к противоположной стене, а тот, что был пойман последним — ученый, забился в самый темный угол, словно пытаясь раствориться в тенях. Ни звука, ни шепота — лишь тяжелое дыхание нарушало гнетущую тишину.

Задумавшись, Том отошел от окна как раз в тот момент, когда на площадь вбежал запыхавшийся связной от воинов. Жители начали выходить из домов, а связной, переминаясь с лапы на лапу, ждал появления Управляющего.

Когда Глава проходил мимо, он кивнул Тому:

— Ну как там пленники? Не бунтуют?

— Странно, но они очень тихие, — ответил Ёжик. — Они даже не обсуждают план побега.

— Я же говорил, что зря укрепляли темницу, — раздался спокойный голос дедушки Зоди, появившегося на крыльце своего дома. — Они никуда не убегут.

— Почему? — удивился Том.

Дедушка тяжело опустился на ступеньку, и его голос зазвучал глухо, будто доносился из глубины веков:

— У них законы суровые: попал в плен — смерть неминуема. Они знают, что в плен сдаваться нельзя. Каждый в их поселении — воин, будь то повар, земледелец или корзищик. Все живут по военному уставу, все обязаны сражаться.

— Но они же согласятся на обмен? — неуверенно спросил Том.

Дедушка медленно покачал головой, и его седые иглы отбросили длинные тени на песок:

— Даже если их выкупят — только для казни. С той минуты, как их схватили, жизнь для них кончилась. Вернуться нельзя — принесут в жертву. Убежать — некуда. Они не умеют жить в одиночестве, не знают, как добывать пищу или строить жилье. А если и скроются в лесу — либо свои добьют, либо хищники.

На площади воцарилась гнетущая тишина. Даже ветер будто замер, не решаясь шевелить листья.

— Значит... — голос Тома дрогнул, — вместо трех пострадавших, у нас теперь шестеро?!

На площади воцарилась гнетущая тишина. От печали все позабыли о связном, принесшем весть из лагеря Красноухих. Когда же к нему обратились, он сообщил: «Красноухие отказываются выкупать своих».

Ежи молча стали расходиться. Том один остался у темницы, вглядываясь сквозь решетку в неподвижные фигуры пленников. Их молчаливое отчаяние казалось теперь понятным.

Вечером деревня погрузилась в тишину. Ни песен, ни танцев — лишь треск единственного костра на площади, вокруг которого собрались жители. Ученый еж, освещенный дрожащим пламенем, что-то рассказывал собравшимся, мордочки слушающих становились спокойнее и вдохновленные. Том наблюдал эту сцену — так же, как и в предыдущие вечера, ежи приходили послушать мудрые речи, но он почти не понимал сказанного.

Когда речь зашла о дедушке Зоде, с говорящим произошла удивительная перемена. Его глаза вдруг засияли теплым светом, а по щеке покатились слезы. Голос рассказчика дрогнул, дыхание перехватило, но он продолжал говорить, преодолевая волнение.

Том с удивлением наблюдал эту сцену. Хотя он еще не понимал всех слов, язык искренних эмоций был ясен без перевода. Как сильно должны любить этого мудрого старца, если одно лишь упоминание о нем вызывает такие чувства! В отблесках костра Том видел, как другие ежи кивают, некоторые тоже украдкой смахивают слезы. Казалось, сама атмосфера вокруг наполнилась чем-то теплым и светлым, когда говорили о дедушке Зодее.

Это было больше, чем просто уважение — в глазах каждого читалась глубокая, почти сыновья любовь. Том почувствовал легкое щемление в груди. Он еще не знал всех историй, не понимал до конца, кем был этот старый еж для деревни, но уже ясно осознавал: дедушка Зодя — не просто старейшина, а живое сердце этого места, соединяющее всех невидимыми нитями любви и мудрости.

В свете костра, среди сосредоточенных ежей, Том заметил маленького жучка, неуклюже ползущего по земле. Насекомое двигалось в своем мирке, не подозревая о десятках колючих существ вокруг. Так же и ежи, увлеченные речью ученого, не замечали этого крошечного создания. Лишь пламя костра, пылавшее в центре круга, отбрасывало на жучка оранжевые блики, давая Тому возможность следить за его путешествием.

Вдруг движение привлекло внимание — это был Малыш, заметивший Тома. Несмотря на поздний час (обычно в это время ежата уже спали), Феня радостно бросился к старшему другу. Том быстро прикрыл жучка опавшим кленовым листом — нежно, чтобы не раздавить, но достаточно надежно, чтобы любопытный ежонок не обнаружил свою потенциальную еду.

Малыш влетел в Тома с разбегу, обняв его передними лапками и уткнувшись мордочкой в колени. Иголки маленького ежонка больно впивались в живот Тома, но он лишь ласково погладил колючую спинку, чувствуя, как тельце крохи постепенно расслабляется. Возможно, сон уже одолевал его — глаза слипались, дыхание становилось ровнее.

Краем глаза Том наблюдал, как из-под листа выбирается жучок. Но Малыш уже не представлял для него угрозы — уютно устроившись на коленях у друга, он, кажется, забыл обо всем на свете. В этом был особый покой: пламя костра, мерный голос рассказчика, тепло маленького существа на коленях и тайна спасенной жизни под осенним листом.

Глава 9. Возвращение домой

«Глупец терпит неудачу из-за того, что сложное кажется ему простым, а умный из-за того, что простое видится ему сложным»

Утренний туман стелился по земле, когда Том вышел из домика. Воздух был влажным и прохладным, а трава под лапками — мокрой от росы. На поляне, окутанной дымкой, стоял величественный ёж. Его шерсть была темнее, чем у других жителей деревни, а иглы отличались глубоким синим цветом, будто впитали в себя всю синеву утреннего неба. Он стоял неподвижно, устремив взгляд куда-то за горизонт, и в его осанке чувствовалась сила, которая заставляла Тома замереть.

«Настоящий воин», — подумал Том, хотя этот ёж не был похож на тех, кого он видел в лесу. У него не было боевой раскраски, но в его спокойствии ощущалась мощь, которой не нужны внешние атрибуты.

За спиной раздался шорох — это Зося вышла из домика, держа в лапках полотенце.

— Кто это? — тихо спросил Том, кивнув в сторону незнакомца.

— Мой брат, — просто ответила Зося. — Он учился у дедушки.

Том нахмурился:

— У тебя есть ещё один брат? Я думал, только Родя и Тодя.

Зося улыбнулась и махнула лапкой в сторону пруда:

— Пойдёшь купаться?

Том кивнул, взял своё полотенце, и они направились к воде. Туман над прудом был ещё гуще, словно живое одеяло, колышущееся над гладью.

— Помнишь, я говорила, что все в деревне — родственники? — Зося осторожно ступала по мокрой траве. — Если ты принимаешь мудрость дедушки, становишься частью нашей семьи. Он — ученик дедушки, а значит, и мой брат.

Том задумался, перебирая в памяти всё, что знал о деревне.

— Ты так и не сказала, чему учил дедушка.

— В нашем старом посёлке была большая школа, — ответила Зося. — Дедушка преподавал языки и историю.

— Вот почему ты так хорошо знаешь мой язык! — догадался Том.

Зося кивнула, а в её глазах мелькнула тень грусти — будто за этими простыми словами скрывалась история, которую она пока не готова рассказать.

Холодная вода пруда обжигала иголки, но Том уже привык к этому бодрящему ощущению. Вместе с другими ежами они плескались в предзаросковой тишине, нарушаемой лишь всплесками воды и редкими сдержанными возгласами.

Выбравшись на берег, Том вытерся полотенцем и снова спросил о виденном на поляне еже:

— Почему я ни разу не встречал его раньше?

Зося встряхнулась, рассыпая вокруг капельки воды, которые сверкали в первых лучах солнца:

— Многие наши живут в уединении — в маленьких домиках среди леса или у дальних полей. Но ты можешь иногда их встретить на утренней зарядке, вечером на танцах или на беседах у костра.

Они шли обратно по тропинке, где туман уже начинал рассеиваться, превращаясь в кружевную дымку. Том вдыхал свежий воздух, наслаждаясь этими редкими моментами, когда кажется, что мир принадлежал только тебе.

Вдалеке показались первые признаки пробуждающейся деревни — дымок из трубы пекарни, шевеление занавесок в окнах. Но здесь, у пруда, время ещё текло медленно, как этот туман, нехотя отступающий перед солнцем.

Том поймал себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует — это место может стать домом. Не временным пристанищем, а тем, куда хочется возвращаться, даже если уйдёшь далеко. Как возвращались те, о ком говорила Зося.

— Таких, как он, много. Вчера у костра ты видел Лея — он тоже учился у дедушки. И этот тоже, — она кивнула в сторону небольшого ежа, мимо которого они только что прошли.

Том оживился:

— А этого я знаю! Он учил детей на поляне той странной сидячей практике. Тогда я не всё понял... Говорил что-то о накопленных заслугах, которые нужно отдавать. Он говорил, будто добро — это как вода в пруду. Если черпать и не доливать — останешься с пустым ведром. А ещё он рассказывал историю, — продолжал Том, — про ёжика, который копил солнечные лучи в норке. Чем больше прятал — тем темнее становилось вокруг.

Он поморщился, вспоминая:

— Мне это не понравилось. Если у меня есть что-то хорошее — зачем делиться?

Но потом его мордочка просветлела:

— А потом он спросил ежей: «Что останется, если отдать всё?» Тишина. Думаю, он имел в виду если отдашь все накопленные заслуги за время практики. И тогда учитель сказал: «Осо-

знанность»... И знаешь, — Том задумчиво провёл лапкой по своим иглам, — вдруг я понял, что этого действительно достаточно. Всё остальное... можно отдать.

В его голосе звучало удивление, будто он неожиданно разгадал секрет, который всегда был перед глазами.

Зоя одобрительно кивнула.

Маленький ёж терпеливо объяснял что-то группе ежей, показывая лапками на восходящее солнце. Тень от его фигуры вытянулась далеко вперед, сливаясь с тенью большого дуба — как нити одной невидимой сети, связывающей всех в это утро. Он вёл за собой вереницу ежей, как река несёт листья.

А Том впервые задумался — что же такое эти «заслуги», и почему, отдавая их, можно обрести нечто большее...

Они свернули на тропинку.

— Тебе стоит выучить наш язык, — сказала Зоя, — иначе так и будешь объясняться жестами, как маленький ежонок. Давай будем заниматься каждый день?

Том смущённо почесал за ухом:

— С радостью... Только боюсь, я окажусь нерадивым учеником. Придётся тебе запастись терпением, как дедушке Зоде.

Они вышли на пустынную площадь, где первые лучи солнца только начинали согревать землю. Из домов один за другим появлялись ежи, неся полотенца через плечо. Их следы на мокрой траве сливались в причудливый узор, словно невидимый художник встречал утро.

— Вот смотри, — Зоя тронула лапкой плечо Тома, — «утренний туман» — «дзилин».

Том осторожно повторил, растягивая непривычные звуки.

— Ну вот, первый урок начался, — улыбнулась она.

Где-то вдалеке раздался смех — кто-то уже начал свой день с радости.

Том почесал за ухом, смущённо опустив глаза:

— Зоя, а ты не могла бы показать, как правильно делать зарядку? Я вечно путаю движения, будто ёжонок, впервые увидевший собственные лапки.

Зоя засмеялась, иглы её дрогнули:

— Ох, боюсь, я не лучший учитель для этого. Родители Ёси куда искуснее — они обычно обучают малышей и дыханию, и точности движений.

Она задумалась, потом оживилась:

— Зато я могу объяснить сидячую практику!

Том облегчённо вздохнул:

— Пожалуйста! Управляющий говорил что-то загадочное, а Тодя... — он замялся, — ну, он сказал просто «сиди и наблюдай». Я попробовал — и знаешь, это оказалось... интересно.

Зоя лукаво прищурилась:

— Так вот почему ты вчера задержался на площади! Сидел, как ёжик-столбик, когда все уже разошлись.

Она аккуратно уселась на ещё прохладную землю, поправив полотенце.

— На самом деле Тодя был прав. Только «наблюдать» нужно не глазами...

— Да, я понимаю, и мне действительно понравилось наблюдать за собой, — задумчиво сказал Том, потирая лапкой спину. — Днём Тодя говорил, что важно сидеть прямо, но я не сразу обратил на это внимание. Мне кажется, главное — наблюдать ощущения в теле.

Он оживился, его иглы слегка приподнялись от волнения:

— Это оказалось так интересно! Я сидел и чувствовал, как что-то постоянно движется внутри — то в лапе покалывает, то в животе урчит. Тодя говорил стараться не шевелиться, но... — Том растерянно развёл лапками, — как можно не двигаться, когда внутри всё живёт своей жизнью?

Зоя рассмеялась, её смех прозвенел, как утренние колокольчики.

— А что насчёт твоего ума? — спросила она, прищурившись.

— Какого ума? — Том насторожил уши.

— Ты заметил мысли в своей голове?

Том задумался, его мордочка сморщилась от усилия вспомнить:

— Не знаю... Я чувствовал щекотку в пятке, боль в спине, пустоту в животе. Когда лапки затекали и я менял позу — ощущения тоже менялись. — Он покачал головой. — Кажется, я вообще ни о чём не думал. Просто наблюдал.

Зося кивнула:

— Сегодня попробуй обратить внимание на свои мысли.

В этот момент ветер донёс до них запах готовящегося завтрака, но Том уже был погружён в новые размышления. Оказывается, есть целый мир внутри, который он только начал открывать...

В последнее время Том не участвовал в общей зарядке — его лапка всё ещё болела. Но сидеть он мог без проблем. На этот раз он с удивлением обнаружил, что в голове роится бесконечный поток мыслей. Как остановить этот непрерывный водоворот? Раньше он спокойно выдерживал всё время практики, а теперь с трудом усидел даже половину.

После занятия он поделился с Зосей:

— Сегодня мыслей было намного больше обычного...

Зося рассмеялась, и Тому стало тепло на душе — в последнее время она так редко улыбалась.

— Тебе только кажется, что мыслей прибавилось, — объяснила она, всё ещё улыбаясь. — Просто теперь ты начал их замечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.